

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

Г Р У П П А
АНТИТЕРРОР

Сергей МОСКВИН

АСЫ
КОНТРАЗВЕДКИ

Сергей Москвин
Асы контрразведки

«ЭКСМО»

2003

Москвин С. Л.

Асы контрразведки / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2003

Этот «спектакль» поставлен террористами вдали от театра боевых действий. Импровизированная «сцена» – правительственный аэропорт Внуково-2. В «главной роли» – чеченский наемник по кличке Блэк. Цель мероприятия – индийский премьер-министр, прибывающий в Москву с официальным визитом. Только это и известно «зрителям» – российским спецслужбам... А еще то, что цена на «билеты» неизмеримо высока – на кону судьба межгосударственных отношений России и Индии... Роман издавался под названием «Спец-волкодав».

© Москвин С. Л., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	44
Глава 11	47
Глава 12	50
Глава 13	55
Глава 14	62
Глава 15	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Асы контрразведки

Сергей Москвин

Главное разведывательное управление (ГРУ) – структурное подразделение Генерального штаба Вооруженных Сил, занимающееся военной разведкой. Ее объектом является все, что представляет интерес с точки зрения обороноспособности страны как внутри, так и за ее пределами.

Глава 1

11-Й КМ ШОССЕ АРГУН – ГУДЕРМЕС, ЧЕЧНЯ

4.09, среда, 10-06

Легкий, непривычно теплый для начала осени ветерок и густая изумрудного цвета трава, покрывающая склоны холмов, подчеркивали красоту окружающей природы. Откуда-то сверху донеслась мелодичная птичья трель. Стоящий на обочине шоссе сухощавый майор в камуфляжной военной форме поднял голову к небу и увидел пару пронесшихся над дорогой мелких птичек. «Райское место!» – со злостью подумал он, проводив порхающих птичек пристальным взглядом. При этом у него к горлу подступил комок желчи. Офицеру захотелось сплюнуть себе под ноги, но он сдержал свой позыв и проглотил желчь вместе с рвущимися наружу злостью и отчаянием.

В свои неполные тридцать три года майор Кудрявцев успел повидать и пропитанные влагой мангровые заросли побережья Южно-Китайского моря, и болотистую Амазонскую сельву, и пышущие зноем пески ближневосточных пустынь, и скалистые хребты Афганских и Кавказских гор. За боевой путь, пройденный Евгением Кудрявцевым от рядового бойца до заместителя командира диверсионно-разведывательного отряда «Каскад» – элитного спецподразделения ГРУ, армейская судьба забрасывала офицера в самые разные уголки земного шара. И всюду красоту окружающей природы нарушало что-нибудь противоестественное и чужое: сигнальная проволока, растяжки противопехотных мин, путы малозаметных заграждений, ямы-ловушки или просто вбитые в землю заостренные бамбуковые колья.

Вот и сейчас райская картина заканчивалась, стоило перевести взгляд с голубого неба и зеленых холмов на черное шоссе. Граница между раем и адом проходила точно по обочине, на которой стоял Евгений Кудрявцев. Если за дорогой зеленела пышная трава как символ жизни, то асфальт был усеян следами смерти. В десяти метрах от Кудрявцева, уткнувшись радиатором в придорожный кювет, застыл обгоревший остов армейского «УАЗа». Огонь не успел добраться до скатов. Но до того, как прибывшие из Аргуна пожарные затушили пламя, салон «УАЗа» выгорел полностью. Помимо обгоревших металлических конструкций и каркасов сидений в машине находились три обугленных человеческих трупа. Четвертый человек, ехавший в «УАЗе», тоже обгоревший до неузнаваемости, лежал на середине шоссе в трех метрах от машины. Он успел выпрыгнуть из подбитого автомобиля и прополз или пробежал эти три метра, пока его не сразила пуля чеченских боевиков. Во всяком случае, Евгений Кудрявцев надеялся, что все произошло именно так и этот человек умер мгновенно, а не мучился, заживо сгорая в огне. За сожженным «УАЗом», осев на простреленных шинах, стоял большегрузный армейский «Урал». У грузовика сгорела кабина и закрывающий кузов брезентовый тент. В сгоревшей кабине тоже находились два обугленных трупа: сержанта-водителя и офицера – старшего машины. Из шести других погибших бойцов трое лежали в кузове «Урала», еще трое

возле машины. Чтобы не мешать работе следственной бригады, Кудрявцев не стал осматривать трупы убитых солдат, лишь задержал на них свой внимательный взгляд. Но и одного взгляда оказалось достаточно, чтобы увидеть на телах погибших множественные пулевые ранения.

К стоящему в задумчивости Кудрявцеву подошел офицер военной контрразведки с базы в Ханкале, тоже майор и в такой же, как у Евгения, полевой камуфляжной форме. Только в отличие от пятнисто-зеленой формы Кудрявцева камуфляж армейского контрразведчика был серого, мышиного цвета. Остановившись возле Кудрявцева, майор покачал головой и сокрушенно произнес:

– Двенадцать погибших и четверо раненых! Да еще неизвестно, выживут ли они. У одного ранение в живот, у другого прострелено легкое! Это не бой, это бойня!

Кудрявцев резко повернулся к подошедшему к нему контрразведчику и, не скрывая своей злости, ответил:

– А что ты хотел?! Назначить в боевое охранение девятнадцатилетних пацанов, которые понятия не имеют о тактике боя при нападении из засады, – и кому только в голову могла прийти такая мысль?! Видишь?! – Схватив майора за плечи, Кудрявцев силой развернул его к накренившемуся на правый борт «Уралу», возле которого на асфальте лежали тела погибших солдат. – Они выпрыгивали из кузова с правого борта, прямо под пули боевиков! Никто из них не успел сделать ни одного ответного выстрела! Ни одного! Все они погибли, едва выпрыгнув из машины!

Резкие слова дали выход накопившейся у Кудрявцева злости. Он отпустил офицера, которого схватил за плечи, и сказал:

– Извини.

Майор военной контрразведки тут был ни при чем. О нападении на автоколонну он и сам узнал всего час назад, одновременно с Кудрявцевым, когда в Ханкалу из Аргуна поступило сообщение о событиях на трассе Аргун – Гудермес.

– Как эксперт, вы можете сказать, откуда стреляли?

Кудрявцев обернулся на голос. К нему обращался следователь военной прокуратуры, возглавляющий следственную бригаду. Следователь был невысокого роста, но полный. От этого он сильно потел и беспрестанно вытирал носовым платком мокрое от пота лицо. «Эксперт, – мысленно повторил за следователем непривычное для себя обращение Кудрявцев. – После того, что случилось, мне остается лишь выступить в качестве эксперта следственной бригады». Кивнув, Евгений направился к следователю. Все происходило совсем не так, как он представлял себе перед вылетом в Чечню.

* * *

Накануне его вызвал командир «Каскада» полковник Никоненко. Он был хмур и сосредоточен. Впрочем, это еще ни о чем не говорило, так как такое выражение лица командир «Каскада» сохранял чуть ли не постоянно. За свои шесть лет службы в спецназе ГРУ Евгению Кудрявцеву считаное число раз довелось увидеть улыбку на лице Никоненко.

– Садись! – увидев Кудрявцева на пороге своего кабинета, он указал ему рукой на ближайший стул за приставным столом.

Не столько по голосу, сколько по порывистому жесту командира отряда Кудрявцев понял, что озабоченность полковника не напускная, его действительно что-то серьезно беспокоит.

– Из Чечни получены оперативные данные от нашей разведки, да и фээсбэшники на сей раз постарались, – начал Никоненко. – Короче! Есть сведения, что у чеченских боевиков появилась группа высокопрофессиональных диверсантов-наемников. Тактика действий диверсантов – это засады на пути следования наших автоколонн. За последний месяц в разных районах Чечни ими совершено четыре нападения на автоколонны, в результате которых погибло два-

дцать шесть человек. – Полковник сдвинул к переносице густые, выбеленные сединой брови и зло добавил: – Со стороны самих боевиков потерь нет... – Он замолчал, давая возможность Кудрявцеву осознать услышанное, и после секундной паузы продолжил: – В штабе группировки считают, что все четыре нападения совершены одной и той же диверсионной группой. Командованием перед нами поставлена задача, – Никоненко повысил голос, – в кратчайшие сроки обезвредить объявившуюся в Чечне группу боевиков-диверсантов!

О своем вызове в штаб-квартиру ГРУ на Хорошевском шоссе и беседах с начальником управления и руководителем штаба военной разведки Никоненко умолчал, сообщив Кудрявцеву лишь итоговый результат состоявшихся встреч.

– Сведений об этой диверсионной группе крайне мало, в основном одни догадки, – продолжал он. – Но если эти убудки действительно существуют, то уничтожить их – наша прямая обязанность! Поэтому отправляйся в Чечню. Лично изучи все собранные материалы об этой банде. Подними документы, касающиеся нападений чеченских боевиков на автоколонны. И если сведения о профессиональной диверсионной группе подтвердятся, составь план по ее захвату и уничтожению. Вместе с планом направишь мне и список людей, которые тебе понадобятся. Уяснил задачу?!

Кудрявцев утвердительно кивнул:

– Так точно, товарищ полковник.

– Тогда собирайся. Через пять часов из Раменского в Ханкалу вылетает военно-транспортный самолет. Полетишь с ним. На месте тебя встретят. Соответствующая телеграмма за подписью начальника управления в штаб нашей группировки на Северном Кавказе уже передана. Осталось только сообщить фамилию командированного к ним офицера.

Перед тем как отправиться на Раменский военный аэродром, Кудрявцев заехал в свою квартиру. Все необходимые для подобных экстренных командировок вещи хранились у него на базе отряда в тревожном чемодане. Но до вылета оставалось время, и Евгений решил заглянуть домой в надежде повидать жену и сына, которых он не видел уже два дня, когда, расставшись в понедельник утром, отправился на учебную базу «Каскада». Увы, зародившаяся у него надежда не оправдалась: жена была на работе, а трехлетний сын в детском саду. Пройдясь по пустой квартире, Кудрявцев позвонил на санитарно-эпидемиологическую станцию, где работала жена. Она, по счастью, оказалась на месте, но разговора не получилось. Евгений преувеличенно бодро сообщил, что срочно улетает в командировку. Однако бодрый тон мужа не обманул Елену Кудрявцеву. Не зная, но догадываясь, Лена начала всхлипывать, а вместо прощания прошептала в телефонную трубку:

– Береги себя, Женя.

– Все будет в порядке! – успокоил ее Евгений, но все же разговор дался ему тяжело.

После телефонного разговора с женой Кудрявцев заехал в детский сад, чтобы повидаться с сыном. У детей был тихий час, и воспитатели не хотели пускать Евгения к ребенку. Но малыш каким-то образом почувствовал присутствие отца: проснулся и заплакал, и не прекращал реветь, пока его не выпустили к отцу в раздевалку. Но как только воспитатель вывела его, зареванного, из спальни и он увидел стоящего в раздевалке отца, то сразу перестал рыдать и, подбежав к Евгению, крепко обхватил его за ногу.

– Мне придется уехать по делам, – сообщил Евгений, нагнувшись к сыну.

– Надолго? – Трехлетний Ваня поднял на отца не по-детски серьезное лицо.

Евгений неопределенно пожал плечами:

– Как получится.

– А я? – Малыш еще теснее прижался к ноге отца.

– А ты вместе с мамой будешь меня ждать. Будешь?

Ребенок быстро кивнул, но ногу отца так и не выпустил.

– Ваня, пусти. Мне надо ехать, – повторил Евгений, целуя сына и освобождаясь от его рученок.

Малыш позволил разжать свои ручки, но как только его взяла за руку воспитатель, снова заплакал.

– Я хочу к тебе, папа! – с надрывом закричал он.

– Это что такое? – строго обратился к сыну Евгений. – Не плачь! Ты же мужчина.

И быстро отвернулся, чтобы тот не увидел выступившие на его глазах слезы. По той же причине он уселся на заднее сиденье дежурной «Волги», а не на переднее, рядом с водителем.

– Куда теперь, товарищ майор? На аэродром? – поинтересовался водитель, сидящий за рулем «Волги» с военными номерами.

Кудрявцев утвердительно кивнул, но, сообразив, что его кивок водитель не заметил, поспешно произнес вслух:

– На аэродром.

Он приехал на аэродром заранее. Однако, по неизвестным Евгению причинам, вылет транспортного самолета в Чечню отложили. Транспортный «Ил» поднялся в воздух лишь поздно вечером. И пассажиры, и пилоты понимали, чем это грозит. Через три часа, когда самолет пойдет на посадку, в Ханкале будет глубокая ночь. А действующие под покровом ночи боевики вполне могут обстрелять самолет из переносных зенитно-ракетных комплексов. По счастью, этого не произошло. И посадка на аэродроме расположенной в окрестностях Грозного российской военной базы прошла успешно. Евгений Кудрявцев мысленно поздравил себя с благополучным прибытием, в очередной раз подивившись чьей-то бездумной халатности или нерасторопности, из-за которой летчики и все пассажиры транспортного «Ила» бессмысленно рисковали жизнями.

На летном поле Кудрявцева встретил майор в сером камуфляже. Евгений отметил, что майор примерно одного с ним возраста и такого же роста, только гораздо худее и уже в плечах. Из-за своей тонкой шеи, для которой ворот полевого кителя был явно великоват, майор выглядел не просто худым, а даже тощим и каким-то изможденным. Однако голос у него оказался вполне крепким.

– Майор Снежин, управление военной контрразведки Северо-Кавказского военного округа, – представился он. – Контрразведка крайне обеспокоена участвовавшими нападениями боевиков на наши автоколонны, поэтому мне поручено оказывать вам всяческое содействие, ну и, конечно, предоставить для ознакомления все имеющиеся в нашем распоряжении материалы.

– Майор Кудрявцев Евгений Васильевич, – представился в ответ зам командира «Каскада», решив, что бессмысленно называть свою должность и место службы, которые и без того известны встречающему его контрразведчику.

– Юрий Александрович, – тут же добавил Снежин. – Можно просто Юрий или Юра.

– Ничего не имею против. Евгений, – Кудрявцев протянул Снежину руку, и тот охотно пожал ее.

– Я понимаю, вам бы в первую очередь хотелось взглянуть на документы, – продолжал Снежин. – Но сейчас ничего не получится. – Словно извиняясь перед Кудрявцевым за задержку с вылетом, он указал на свои наручные часы, стрелки которых показывали половину первого ночи. – Все документы в штабе, а сейчас там только дежурные. Поэтому давайте переночуем в казарме, а с утра отправимся в штаб.

– Принимается, – ответил Евгений. Перспектива отрываться от сна работающих в две смены офицеров штаба и вообще не знающих отдыха следователей военной прокуратуры ему не нравилась. – Только я должен сообщить командиру отряда о своем прибытии, – предупредил он контрразведчика.

– Это само собой. Пойдемте в диспетчерскую. Там есть линия прямой связи с Москвой.

После доклада полковнику Никоненко о своем прибытии в Ханкалу Кудрявцев вместе со Снежиным прошел в офицерскую казарму, где контрразведчику была выделена отдельная комната, бывшая первоначально бытовкой для складирования и хранения хозяйственного инвентаря.

– Пользуюсь своим привилегированным положением, – пошутил Снежин, отпирая дверь своей комнаты.

Кровать в комнате военного контрразведчика имела только одна. Но Снежин куда-то отлучился и через пять минут вернулся с двумя солдатами-срочниками, несшими в руках кроватную панцирную сетку. Сам Снежин нес скрученный матрас с засунутой в него подушкой.

– Снова воспользовались своим служебным положением? – улыбнулся Кудрявцев, указав на принесенную солдатами панцирную сетку и матрас в руках контрразведчика. Майор все больше начинал нравиться ему.

– Пришлось, – ответил Снежин и улыбнулся в ответ.

Затем они сидели в крохотной комнатенке, всю мебель которой составляли высокая солдатская тумбочка, железная кровать да положенная на пол кроватная панцирная сетка. За разговорами постепенно перешли на «ты», затем Снежин достал из тумбочки завернутую в газету бутылку водки, нераспечатанную банку мясной тушенки и половину буханки черствого хлеба и предложил выпить за знакомство. Водка, судя по этикетке, московского завода «Кристалл» – в Чечне большая редкость. Предложение распить такую бутылку являлось знаком особого уважения, и Кудрявцев это оценил. В ответ он достал из своей дорожной сумки точно такую же бутылку и, протянув ее Снежину, сказал:

– Выпьем, когда закончим наше дело.

Еще с тех пор, когда Евгений командовал штурмовой группой «Каскада», у него укоренилось правило не брать в рот спиртного до окончания операции. Встретив твердый взгляд офицера ГРУ, контрразведчик без особого сожаления убрал обе бутылки в свою тумбочку и, подражая своему новому знакомому, ответил:

– Принимается.

Еще не было семи часов, когда утром следующего дня они отправились в штаб военной базы. Снежин провел Кудрявцева в свой кабинет и, водрузив перед ним несколько извлеченных из собственного сейфа папок с документами, сказал:

– Изучай пока эти, сейчас принесу другие.

За два с половиной часа, что Кудрявцев провел в кабинете представителя военной контрразведки, Снежин трижды оставлял его, чтобы принести новые документы. Когда же он появился в кабинете в третий раз, его лицо оказалось мертвенно-бледным. Растягивая фразы, он произнес:

– Только что на шоссе Аргун – Гудермес из засады была обстреляна автоколонна нашей базы. Сожжено два автомобиля: машина штаба армейской группировки и грузовик боевого охранения. Имеются жертвы. Из Аргуна на место расстрела автоколонны выехала бригада пожарных и дежурный взвод охраны. У нас на базе срочно формируется следственная бригада.

Кудрявцев стремительно поднялся из-за стола.

– Я еду вместе со следственной бригадой! – решительно заявил он.

В ответ Снежин только кивнул и расстегнул ворот полевого кителя, который и без того был ему велик.

Глава 2

11-Й КМ ШОССЕ АРГУН – ГУДЕРМЕС, ЧЕЧНЯ

4.09, среда, 10-15

Оставив майора военной контрразведки, Кудрявцев подошел к следователю и перевел взгляд на склон холма, где, по его мнению, устроили свою засаду боевики.

– Огонь велся с этого направления, – вытянутой рукой Кудрявцев указал на поднимающийся склон. – Одновременно с нескольких точек из одного или, скорее, даже из двух гранатометов и автоматического оружия. Точнее можно будет сказать после детального осмотра местности.

– Осмотрите склон, – обратился следователь к группе бойцов-десантников, сопровождающих следственную бригаду.

Командир десантников и ближайшие к нему бойцы сейчас же шагнули к обочине. Заметив это, Кудрявцев рванул с плеча автомат, готовясь в случае необходимости выстрелить солдатам под ноги, чтобы заставить их вернуться на шоссе, и истерическим голосом выкрикнул:

– Назад!!!

В 95-м году, во время одной из первых командировок «Каскада» в Чечню, в точно такой же ситуации один из бойцов приданного подразделения не послушался его приказа, а может быть, попросту не услышал и сошел с обочины. Уже на втором шаге ничего не подозревающий солдат зацепил ногой поставленную боевиками и искусно замаскированную растяжку. Через секунду в четырех метрах от сошедшего с дороги солдата разорвалась осколочная граната. Солдат получил множественные осколочные ранения ног, но остался жив, а одному из бойцов разведгруппы Кудрявцева единственный осколок пробил голову, сразив его наповал. Этот случай накрепко врезался в память Евгения. И сейчас он готов был даже применить оружие, лишь бы не допустить повторения трагической ошибки. Однако до стрельбы дело не дошло. Услышав его окрик, десантники остановились на краю обочины, недоуменно взирая на незнакомого им офицера. Евгений облегченно выдохнул и слегка дрожащим от волнения голосом сказал:

– Пока местность не осмотрят саперы, с шоссе сходить нельзя. Боевики могли заминировать пути своего отхода.

– Саперы, – повторил за Кудрявцевым следователь военной прокуратуры. – Когда они еще приедут?

Он пожевал губами и, в очередной раз промокнув платком вспотевший лоб, перевел на офицера ГРУ недовольный взгляд, словно это он препятствовал работе следственной бригады. Понять армейского следователя не составляло труда, и после непродолжительной паузы Кудрявцев ответил:

– Хорошо. Я сам осмотрю местность.

Он перевесил свой автомат за спину и, внимательно глядя себе под ноги, сошел с шоссе в заросли густой придорожной травы.

Прежде чем поставить ногу, Евгений тщательно осматривал росшую перед собой траву, а при необходимости еще и раздвигал руками слишком высокие стебли и так шаг за шагом удалялся от шоссе. Словно путник, рискнувший путешествовать по зыбкой болотистой топи, он медленно поднимался по склону. Склон, поросший густой травой, которая местами доходила офицеру до пояса, представлялся Кудрявцеву отличным местом для установки противопехотных мин. Как заместитель командира диверсионно-разведывательного отряда с шестилетним стажем бойца спецназа, майор Кудрявцев считал, что боевики не могли упустить представившуюся им возможность нанести дополнительные потери российским военным. И натянутая в двадцати сантиметрах над землей зеленая суровая нить подтвердила его предположение.

Осматривая траву перед очередным шагом, Евгений заметил, что несколько травяных стеблей отклонились в противоположную по отношению к остальной траве сторону. Причиной такого наклона стеблей оказалась протянутая в траве едва заметная зеленая нить. То, что для растяжки была использована не проволока или леска, а практически незаметная в траве, но очень недолговечная хозяйственная нить, убедило Кудрявцева, что боевики рассчитывали, что их растяжка сработает в течение нескольких часов после установки. Он прошел вдоль натянутой в траве нити и через три шага обнаружил, что ее конец привязан к одному из трех торчащих над землей усиков армейской противопехотной мины. Мина оказалась отечественная, российского производства, хорошо известной Кудрявцеву модели. Увидев ее торчащие над землей усики, он со злостью сжал зубы – несмотря на проводящуюся в Чечне уже третий год контртеррористическую операцию, боевики по-прежнему не испытывали недостатка в самом совершенном оружии. От двух других усиков мины уходили, теряясь в траве, аналогичные суровые нити. Боевым десантным ножом Кудрявцев обрезал все нити, привязанные к усикам мины. Однако чтобы окончательно убедиться, что он обезвредил раскинутую вокруг мины смертоносную паутину, Евгений прошел вдоль каждой из обрезанных им нитей. Их противоположные концы оказались привязаны к основанию гильз воткнутых в землю автоматных патронов калибра 7,62 мм. За пять предыдущих командировок в Чечню Евгений Кудрявцев неоднократно убеждался, что чеченские боевики-минеры проявляют поистине дьявольскую изобретательность. Автоматные патроны, использованные в качестве колышков для закрепления растяжек, стали очередным таким примером.

Оставив за спиной обезвреженную паутину растяжек, Кудрявцев двинулся дальше. Через семнадцать шагов ему на глаза попала еще одна суровая нить, ведущая к наполовину заглубленной в землю ручной осколочной гранате. Евгений перерезал эту нить, как и три предыдущих, и снова двинулся вперед, а еще через несколько шагов обнаружил то, что искал.

Возле невысокого бугра на склоне холма его взору открылся участок примятой травы шириной в два и длиной в четыре метра. В противоположную от шоссе сторону от этого участка уходили полосы обожженной травы, каждая длиной около трех метров. Евгений осмотрел верхушки обгоревших стеблей и даже понюхал некоторые из них. Характерный запах подтвердил, что полосы обгоревшей травы являются следами двух реактивных гранатометных выстрелов, а участок примятой травы соответственно – огневой позицией гранатометчика. Удивили Кудрявцева два момента. Первый – то, что гранатометчик выбрал свою позицию всего в двадцати метрах от шоссе. Он стрелял практически в упор, что упрощало прицеливание, зато значительно усложняло отход. После производства выстрелов гранатометчику нужно было пробежать или проползти шестьдесят метров до вершины холма, чтобы выбраться из-под огня бойцов боевого охранения автоколонны. «Вряд ли беспорядочный огонь двенадцати выживших и до смерти перепуганных мальчишек был настолько плотный, чтобы создать серьезные помехи отходящим в горы боевикам», – возразил сам себе Кудрявцев, но все же вынужден был признать, что боевик-гранатометчик должен был обладать изрядной долей храбрости или безрассудного авантюризма.

Второе обстоятельство удивило Евгения даже больше, чем первое. Судя по расположению расстрелянных боевиками автомобилей, они были подбиты практически одновременно, что навело Кудрявцева на мысль, что гранатометчиков было двое. Той же скорострельности мог добиться и один гранатометчик, используя он для стрельбы два одноразовых реактивных гранатомета,¹ позволяющих обойтись без перезарядки и тем самым сократить до минимума время второго выстрела. Однако в этом случае на огневой позиции должны были остаться исполь-

¹ Российские одноразовые гранатометы официально именуется «реактивные противотанковые гранаты». Такое название связано с тем, что одноразовые пусковые устройства поставляются в войска в снаряженном на заводе состоянии. Это определило отношение к ним как к боеприпасам, что и нашло отражение в официальном названии.

зованные пусковые гранатометные контейнеры, которых там не оказалось. Хотя, по мнению Кудрявцева, со стороны боевиков было совершенно неразумно уносить с собой бесполезные пустые контейнеры. Евгений понял, что чеченский боевик использовал многозарядный гранатомет. Из чего следовало, что гранатометчик произвел два выстрела буквально за несколько секунд, а ведь ему еще требовалось перезарядить оружие. Помимо реактивных противотанковых гранат, на вооружении «Каскада» состояли и ручные противотанковые гранатометы «РПГ-7В». Кудрявцев вспомнил, что даже лучшие гранатометчики из его отряда ведут огонь с интервалом в десять-двенадцать секунд. Но чеченский боевик явно превосходил их по скорострельности. «Где же ты получил такую подготовку?» – задумался Евгений, склоняясь над участком примятой травы, чтобы как следует осмотреть огневую позицию.

У противоположного края лежки, среди травы он обнаружил россыпь стреляных гильз. «Значит, ты сначала поджег обе машины из гранатомета, а затем добивал выпрыгивающих из горящих машин людей из автомата?! – изумленно подумал Кудрявцев, увидев разлетевшиеся по траве гильзы. – И, похоже, расстрелял целый рожок», – добавил он, зрительно сосчитав их. Выбрав наугад одну из гильз, Евгений взял ее в руки. Гильза оказалась от автоматного патрона калибра 7,62 мм. Точно такие же патроны использовали боевики для установки нитей минных растяжек. Судя по всему, они не испытывали дефицита в боеприпасах. Кудрявцев поднес гильзу к лицу. В нос ударил еще не выветрившийся резкий запах пороховой гари. Евгений отнял руку от лица и посмотрел на вершину холма, за которым скрылись обстрелявшие автоколонну боевики. «Всего час назад они лежали здесь, расстреливая выпрыгивающих из горящего грузовика мальчишек, – мстительно подумал он. – Штабной «УАЗ» к тому моменту уже был уничтожен гранатометным выстрелом, и его водитель и все пассажиры, скорее всего, уже погибли. Вместе со своим водителем погиб и командир боевого охранения, а боевики продолжали расстреливать его пацанов». Кудрявцев тряхнул головой, чтобы отогнать нарисованную воображением жуткую картину, и продолжил свой путь по склону холма.

В десяти метрах от первой лежки он наткнулся на вторую огневую позицию. Здесь по траве тоже оказалось разбросано несколько десятков автоматных гильз. За второй огневой позицией оказалась третья, также усыпанная автоматными гильзами. Потом Евгений обнаружил в траве еще одну растяжку, не замеченную им ранее, а в нескольких метрах от протянутой в траве нити лежку четвертого боевика и еще около трех десятков автоматных гильз. «У пацанов в грузовике практически не было шансов спастись, – мысленно повторил он, разглядывая оставшиеся на месте обстрела гильзы. – Боевики обрушили на них шквал огня. Повезло лишь тем, кто догадался выпрыгнуть из машины с левого борта. Плотный дым, поднимающийся от объятых пламенем грузовика, закрыл их от залегших на склоне бандитов. Но этот же дым позволил боевикам покинуть место засады, незамеченными подняться на холм и скрыться. Нет, гранатометчик и остальные диверсанты не были авантюристами. Они все рассчитали заранее и грамотно использовали фактор дымовой завесы». Кудрявцев поймал себя на мысли, что рассуждает о расстрелявших автоколонну боевиках, как о профессиональных диверсантах. Он постарался отбросить эмоции и, основываясь лишь на своем профессиональном опыте и знаниях, оценить тактику действий противника. Сделанный им вывод оказался неутешительным. Выбор места засады, степень сложности установленных минных заграждений, способ поражения следующих по дороге автомашин, тактика боя и последующего отхода однозначно указывали, что нападение на автоколонну совершила высокоподготовленная диверсионная группа.

С мрачными мыслями заместитель командира «Каскада» спустился со склона холма и вышел на шоссе.

– Ну, что вы там обнаружили? – нетерпеливо обратился к нему начальник следственной бригады.

– Пять профессионально выполненных растяжек с одной противопехотной миной и двумя ручными гранатами и огневые позиции четырех боевиков, – по-прежнему погруженный в свои мысли, ответил Кудрявцев.

– Всего четырех?! – недоверчиво переспросил следователь. – Да тут по колонне стреляли, наверное, не менее десятка боевиков!

В ответ Кудрявцев отрицательно мотнул головой:

– Их было четверо! Но в одном вы правы, каждый из них действительно стоит десятерых!

Глава 3

ОПОРНАЯ БАЗА ГРУППИРОВКИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СИЛ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ, ХАНКАЛА

4.09, среда, 13-30

Они вновь сидели в кабинете представителя военной контрразведки на базе в Ханкале. Только теперь рабочий стол контрразведчика был застелен среднемасштабной картой Чечни, на которой Кудрявцев под диктовку Снежина отмечал места, где подверглись нападению российские автоколонны. Чтобы освободить место для карты, Снежин все принесенные утром документы сложил стопкой на одном из двух имеющихся в кабине стульев.

– ... Последнее нападение, не считая сегодняшнего, было совершено восемь дней назад на участке шоссе Хал-Килой – Дай. Тоже Шатойский район, – сообщил он, заглядывая в раскрытую папку, которую держал в руках. Подождав, когда Кудрявцев обведет кружком место, где была обстреляна предыдущая автоколонна, Снежин добавил: – Нападению подверглась автоколонна Печорского ОМОНа...

При этих словах Кудрявцев напрягся, и красная гелевая ручка, которой он наносил пометки на карту, дрогнула в его руке. С Печорой и Республикой Коми у заместителя командира «Каскада» были связаны тяжелые воспоминания. Весной прошлого года, возглавляя поисковую группу, майор Кудрявцев вел в лесах Республики Коми розыск группы диверсантов, совершивших нападение на самоходную пусковую установку с баллистической ядерной ракетой. В схватке с главарем диверсантов сам Кудрявцев едва не погиб, а его близкий друг получил тяжелое ранение. И хотя в результате титанических усилий диверсанты были обезврежены, всякий раз Евгений вспоминал операцию по их захвату с тяжелым сердцем. Особенно горько ему было оттого, что командовал диверсантами его бывший сослуживец, уволенный из «Каскада» и превратившийся в безжалостного наемного убийцу, впоследствии завербованного ЦРУ.

– ... В результате обстрела автоколонны погибли семеро омовцев, – продолжал Снежин, не заметив перемены в настроении Кудрявцева.

Голос контрразведчика вернул Евгения к действительности. Он повернул к Снежину удивленное лицо и уточнил:

– Шестеро. Так записано в твоих документах, которые я просматривал утром.

– Это старые данные, – ответил Снежин. – Еще один омовец на пятый день скончался в госпитале от полученных ранений. А в своих материалах я не успел исправить число погибших.

– Понятно, – вздохнул Евгений и поставил в только что нанесенном на карту кружке цифру семь.

– Ну и что у нас получилось? – поинтересовался Снежин, закрывая папку и кладя ее на стул вместе с остальными.

– Вот, смотри, – Кудрявцев развернул к контрразведчику карту. – Первая автоколонна была обстреляна возле Урус-Мартана. Спустя две недели три нападения на автоколонны в Шатойском районе с интервалом примерно в три и в четыре дня. Затем восьмидневный перерыв и сегодняшний расстрел автоколонны на шоссе Аргун – Гудермес.

– И ты полагаешь, что во всех пяти случаях действовали одни и те же боевики?

– Диверсанты, Юрий, диверсанты, – дважды повторил Кудрявцев. – Боевики служат под началом полевых командиров и мало-мальски умеют стрелять. А здесь, – он указал авторучкой на карту, – мы имеем дело с профессиональной диверсионной группой. Именно профессио-

нальной! – выделил он интонацией ключевое слово. – Немногочисленной, но очень мобильной, отличающейся просто поразительной слаженностью действий. Все засады были организованы со знанием дела. Обладая теми же силами и средствами, что и диверсанты, я сам, пожалуй, не смог бы организовать более эффективной засады. Заметь, малограмотные пастухи и крестьяне, вербуемые в свои отряды полевыми командирами и наспех натасканные инструкторами в лагерях подготовки, на такое не способны. Диверсант такого уровня воспитывается годами, и не в горном тренировочном лагере, а в специальном учебном центре с хорошей материально-технической базой.

– Надо будет покопаться в наших военных архивах, – перебив Кудрявцева, вставил Снежин. – Если они оборотни, возможно, удастся установить: где они прежде служили.

– Обрати внимание: судя по слаженности диверсантов, это их далеко не первые акции, – продолжал Кудрявцев. – Значит, они имеют богатый опыт совместных боевых действий. Думаю, они воюют вместе не месяц и не два, а гораздо дольше. Возможно, даже несколько лет. Они устраивают засаду очень близко от дороги, по которой идет автоколонна, что говорит об очень высокой степени маскировки стрелков! Заметь, ни в одном случае диверсанты не были обнаружены до того, как открыли огонь! А как они ведут обстрел?! Сначала несколькими выстрелами из гранатометов подбивают несколько машин, одна из которых всегда головная, чтобы автоколонна не могла двигаться дальше. Причем их гранатометчик обладает поистине снайперской точностью. Он ни разу не сделал ни одного неточного выстрела. Сколько раз бил из гранатомета, столько машин и поджег. После того, как отработает гранатометчик, включаются пулеметчик и автоматчики. Они расстреливают по одному-два магазина, после чего вся группа быстро уходит. При этом диверсанты всегда минируют пути отхода. Вернее, они заранее ставят мины, отрезая минными полями дорогу от места засады. В результате, когда организуется преследование, диверсанты успевают скрыться.

Кудрявцев замолчал, но Снежин продолжал смотреть на карту, задумчиво почесывая подбородок. Заметив сомнение на лице контрразведчика, Евгений спросил:

– Хочешь возразить? Давай, я тебя слушаю.

– Я, конечно, не специалист в организации засад, – начал Снежин, продолжая скоблить ногтями свой подбородок. – И диверсант из меня никудышный, – честно признался он. – Но характер чеченцев я более-менее успел изучить. И могу тебе сказать: чеченцы не будут разъезжать по всей республике, устраивая диверсии. Они воюют в том районе, где выросли и где проживают их родственники. Они нуждаются в моральной поддержке родственников, поэтому стараются, чтобы об их «подвигах» как можно скорее узнавала вся родня. К тому же воевать в родных местах намного удобней. Всегда можно рассчитывать на помощь населения, из которого одна половина состоит с тобой в кровном родстве, а другая является знакомой. Да и знание местности тоже нельзя сбрасывать со счетов. Не случайно банды полевых командиров разбросаны по районам, и каждая пакостит исключительно в своем районе. А у тебя, смотри, – Снежин указал взглядом на карту, – получились какие-то гастроли бродячего цирка.

Но, вспомнив о погибших в результате бандитских налетов, контрразведчик сразу посуровел лицом и понял, что использованное им сравнение оказалось неудачным. Кудрявцев же продолжал смотреть на карту. Взглянув на лицо офицера ГРУ, Снежин увидел, что его губы слегка шевелятся, а прислушавшись, уловил и его невнятные слова.

– ...Урус-Мартан, Шатойский район, теперь Аргун, – Кудрявцев разговаривал сам с собой. Затем он перевел взгляд на Снежина и неожиданно для самого себя произнес: – А это и не чеченцы. Это наемники! Арабы, европейцы, славяне или даже наши с тобой соотечественники. Смотри! – указательным пальцем Кудрявцев ткнул в красный кружок левее Урус-Мартана. – Первый обстрел автоколонны – тринадцать погибших! Затем Шатойский район, – указательный палец Кудрявцева переместился по карте. – Первое нападение – пятеро погибших! Через три дня на той же дороге они обстреливают вторую автоколонну. Но в этот раз диверсан-

там не повезло, убить удалось только двоих солдат. Через четыре дня они устраивают третий налет и убивают семерых омовцев! Тринадцать человек под Урус-Мартаном, четырнадцать в Шатойском районе и сегодня двенадцать в нашем! Им платят за кровь! И диверсанты расстреливают автоколонны, пока не убьют заранее оговоренное в их контракте число людей! – закончил Кудрявцев и, не совладав с нервами, ударил кулаком по карте.

Несколько секунд майор Снежин молча смотрел на карту, затем метнулся к своему сейфу и принялся судорожно отпирать замок. От волнения его руки дрожали, и сейфовый ключ никак не желал проворачиваться в скважине. Но вот контрразведчик все же отпер сейф и выхватил одну из пухлых картонных папок. Быстро пролистав ее, он уперся взглядом в одну из страниц, пробежал ее глазами, перелистал еще несколько страниц, снова остановился, вчитываясь в текст, наконец захлопнул папку и произнес:

– Точно! В середине прошлого месяца полевой командир Усман Зараев получил крупную сумму денег для продолжения боевых действий. Его банда как раз промышляет в окрестностях Урус-Мартана. Затем была неподтвержденная оперативная информация, что немалые деньги получил и Алмаз Горчалаев – самый кровавый басмач Шатойского района, – добавил Снежин, заметив, что имя названного им чеченского полевого командира ничего не говорит офицеру ГРУ. – Давно прошли те времена, когда боевики получали деньги лишь за одни обещания! Теперь зарубежные инвесторы требуют от полевых командиров доказательства их боевой активности! Вот полевые командиры и нанимают профессиональных наемников, чтобы те своими диверсиями убедили спонсоров в оправданности дальнейшего финансирования!

– А чья банда промышляет в районе Аргуна? – схватился за мысль военного контрразведчика Кудрявцев.

– Ильяса Бисламова! – тут же ответил Снежин. – Отпетый негодяй и мошенник даже среди боевиков. В советские времена он работал оценщиком в грозненском городском ломбарде. Сначала просто спекулировал золотом и антиквариатом, потом сколотил банду, грабили одиноких стариков, на квартирах которых имелись старинные золотые и антикварные вещи, за что в итоге оказался под следствием и даже угодил за решетку. Процесс обещал быть громким, но до суда дело так и не дошло. Пришедший к власти Дудаев выпустил из тюрем уголовных преступников, объявив их политическими заключенными. Оказавшись на свободе, Бисламов чем только не занимался. Одно время даже подвизался среди чеченских политиков, но в конце концов возглавил все ту же банду грабителей, назвав ее отрядом сопротивления, а себя провозгласив полевым командиром. Однако сколько-нибудь активного участия в боевых действиях отряд Бисламова не принимал ни в первой, ни во второй войнах. Бисламов трус, поэтому предпочитал заниматься грабежами, захватом заложников и торговлей похищенными людьми, избегая ввязываться в бои с подразделениями федеральных войск. Зато сейчас, после ликвидации основных лидеров боевиков, он попытался замкнуть на себя идущие из-за рубежа основные финансовые потоки поддержки чеченских террористов. Только о нем вот уже больше месяца ничего не слышно... – задумчиво закончил контрразведчик. – Вот, значит, он каким образом решил напомнить о себе. Нанял диверсантов!

– Наверно, подошел срок очередных выплат? – с усмешкой предположил Кудрявцев и, сразу же став серьезным, обратился к майору контрразведки: – Юра, в официальной сводке потерь необходимо уменьшить количество погибших при сегодняшнем обстреле автоколонны. Пусть боевики считают, что наемники убили не двенадцать человек, а, скажем, шесть или семь.

– Вообще-то это не просто сделать... – задумчиво произнес Снежин. – Только я не пойму, для чего тебе это надо. Или ты хочешь с помощью этой дезинформации обезвредить диверсантов?

– Да, родились кое-какие соображения, – неопределенно ответил Кудрявцев.

Но в голове заместителя командира «Каскада» уже начал выстраиваться план.

Глава 4

ЛАГЕРЬ БОЕВИКОВ, 17 КМ ЮЖНЕЕ РАЙОННОГО ЦЕНТРА ШАЛИ

4.09, среда, 20-00

От румянящихся на самодельных деревянных шампурах кусков баранины поднимался аромат жарящегося мяса и сухого виноградного вина. По случаю визита к командиру дорогого гостя длиннорукий Ахмед – личный повар и телохранитель Ильяса Бисламова – перед жаркой два часа вымачивал мясо в молодом вине. Аромат готовящегося шашлыка, безусловно, чувствовали и другие бойцы отряда, но путь к мангалу преграждали выставленные Бисламовым телохранители, и рядовым боевикам оставалось только принюхиваться. Остатки туши забитого барашка, после того как Ахмед вырезал из нее самую аппетитную часть, тоже пошли на шашлык. Разделанную тушу жарили на углях еще в трех частях лагеря. Но доносящийся оттуда запах не шел ни в какое сравнение с ароматом, распространяющимся от мангала у командирской палатки. Мангалом Ахмеду служила разрезанная вдоль и вкопанная в землю стальная бочка. Но несмотря на явную кустарность использованных поваром мангала и шампуров, шашлык обещал получиться отменным. Чувствуя это, стоящие неподалеку Ильяс Бисламов и один из двух его гостей с одобрительными улыбками на лицах взирали, как Ахмед ловко переворачивает над заполняющимися самодельное железное корыто углями обструганные прутья с нанизанными на них кусками баранины, покрывшимися румяной корочкой.

Лицо второго гостя – рослого широкоплечего человека со смуглой кожей и трехдневной щетиной на небритых щеках, напротив, выражало полную сосредоточенность. Он был голоден не меньше своего хозяина, вполголоса беседующего с чеченским полевым командиром. Но собственный голод волновал его постольку-поскольку. При необходимости он мог обходиться без пищи сутками. Его главной заботой была безопасность хозяина и двух пластиковых пакетов со ста тысячами долларов в собственном рюкзаке. Сопровождая хозяина, он пронес эти деньги через четыре границы и вот теперь наконец добрался до конечной точки маршрута. Но пока деньги оставались при нем, телохранитель со смуглой, даже для Кавказа, оливковой кожей не расслаблялся. Его взгляд фиксировал спину чеченского полевого командира, руки присевшего возле мангала повара, оружие стоящих вокруг командирской палатки телохранителей и передвижение расхаживающих по лагерю боевиков. Свои руки гость сложил на широком пояском ремне, на котором в открытых кобурах висели двадцатизарядный российский «стечкин» и немного уступающая ему по размерам пятнадцатизарядная итальянская «беретта». При малейшей опасности гость готов был выхватить оружие и всадить пулю в голову любому, кто попробовал бы покуситься на его хозяина или спрятанные в рюкзаке деньги. Он без колебания застрелил бы и самого Ильяса Бисламова, нисколько не заботясь о том, что по лагерю расхаживают два десятка боевиков чеченского полевого командира, вооруженных автоматами, легко прошивающими его кевларовый бронежилет. Но вокруг пока все было тихо, и руки телохранителя спокойно лежали на пояском ремне, слегка соприкасаясь с кожей пистолетных кобур.

Но он не был бы так спокоен, если бы знал, что из густых кустов на склоне холма, у подножия которого был разбит лагерь, за всем происходящим у палатки Ильяса Бисламова внимательно наблюдают два человека. Один из них – рослый мужчина с широкими плечами и перебитым носом – отнял от глаз бинокль и завистливо произнес:

– Ахмед блюдо приташил. Значит, шашлык уже готов, сейчас жрать будут.

– Ты голоден? – тут же поинтересовался у него второй наблюдатель, невысокого роста, в черной вязаной шапочке на голове, натянутой на лоб до самых бровей.

– Нет, – ответил ему первый и обиженно добавил: – Гречка с тушенкой – разве это еда? Мужчина в шапочке едва заметно усмехнулся:

– Если бы это мы платили Бисламову деньги, а не он нам, то такой шашлык он собственноручно жарил бы для нас каждый вечер.

Первый наблюдатель презрительно скривился:

– Да если бы мы сегодня не расшлепали эту колонну, он бы мог вообще никаких денег не получить. Знал, что скоро явятся курьеры с очередной подачкой, вот нас и нанял. Сейчас, наверное, расписывает им, как ловко его бойцы расправились с неверными. – Немного помолчав, наблюдатель неожиданно для собеседника без всякого перехода добавил: – Интересно, сколько они ему платят? Может, следовало перехватить курьеров по дороге, вытрясти их мошну, и дело с концом? Это куда безопаснее, чем подставляться под пули.

Своим вопросом он попал в точку. Подобные мысли уже не раз посещали человека в черной вязаной шапочке. Но после недолгих размышлений он ответил:

– Ничего не выйдет. Чтобы повернуть такое дело, необходимо знать маршрут курьеров, места, где они останавливаются. Нужны осведомители, а у нас их пф... – вместо окончания фразы он выпустил воздух между плотно сжатых губ. – В общем, наберись терпения, Боксер. Закончим дело, получим с Бисламова бабки. И тогда сможешь махнуть хоть в Турцию, хоть в Испанию или еще куда подальше.

– Да, уж там я оторвусь, – первый наблюдатель мечтательно закатил глаза. – Налопаясь от пуза и натрахаюсь вдоволь.

Размечтавшись, он не заметил, как только что появившаяся улыбка исчезла с лица его собеседника. И уж тем более не услышал его мысленный ответ: «С теми деньгами, которые нам платят «чехи», только это и остается».

А у своей палатки чеченский полевой командир тем временем продолжал обхаживать, в прямом и переносном смысле, дорогого гостя.

– Сейчас перекусим, выпьем, и вы, дорогой Мухаммед, сможете отдохнуть с дороги. Ахмед – настоящий мастер. Такой шашлык готовит, во рту тает! – добавил он и, картинно сложив трубочкой свои широкие губы, поцеловал кончики пальцев.

Ни к одному из предыдущих курьеров Ильяс Бисламов не обращался столь уважительно и уж тем более не приказывал нарезать для угощения гостя самого жирного барана. Но сейчас что-то подсказывало Бисламову, что двое появившихся в его отряде новых людей – не простые курьеры. Уверенный взгляд и властные манеры старшего выдавали в нем человека, привыкшего повелевать. В той организации, которую он представлял, такой человек, по мнению Бисламова, не мог занимать низовое положение. Да и его дюжий охранник с двумя пистолетами на поясе, глядящий на всех лютым зверем, тоже придавал веса своему господину. «Курьер определенно не тот, за кого пытается себя выдать, – рассуждал Бисламов, продолжая расписывать достоинства своего повара. – Скорее всего, это инспектор, направленный проверить, как тратятся выделяемые его организацией деньги. В таком случае сегодняшняя вылазка Блэка и его людей оказалась весьма кстати. Есть что представить инспектору».

– Можно снимать, Ильяс! – мысли Бисламова оказались прерваны возгласом Ахмеда, сбрызнувшего шампуры остатками сухого вина.

Лицо Ильяса Бисламова сейчас же расплылось в широкой улыбке. Он слегка тронул своего собеседника за плечо и, вытянув руку в сторону распахнутой палатки, произнес:

– Прошу вас, дорогой Мухаммед, и вас...

Полевой командир замешкался, не зная, как назвать своего второго гостя. Появившись в отряде, Мухаммед не представил своего сопровождающего, а за все время тот так и не произнес ни единого слова. Он сказал, словно в пустоту. Охранник не двинулся с места и, лишь получив утвердительный кивок хозяина, вошел в палатку, где на застеленном белой скатертью топчане была разложена зелень, еще теплые куски специально подогретого лаваша, расстав-

лены блюда с острыми ткемали и аджикой, а также стеклянные стопки, кувшин самодельного вина и пара бутылок водки. Последним в палатку вошел подпоясанный платком, вместо фартука, Ахмед с большим металлическим блюдом в руках, на котором горкой лежали снятые с мангала шампуры.

– Кушайте на здоровье, – произнес Ахмед и, поставив блюдо в центр импровизированного стола, тут же удалился.

Кавказские и мусульманские обычаи не велят вести во время трапезы серьезные разговоры. Лишь после еды, когда голод будет утолен, следует переходить к делу. И Ильяс Бисламов поддерживал предложенную Мухаммедом беседу, вынужденно отвечая на вопросы своего гостя. Сопровождающий Мухаммеда охранник участия в беседе не принимал, как не притронулся и к предложенным Бисламовым напиткам, лишь молча поглощал куски мяса, с сосредоточенным видом пережевывая их мощными челюстями. Следуя за наводящими вопросами Мухаммеда, Ильяс Бисламов рассказал о славном боевом пути своего отряда, о безграничном мужестве воюющих под его командованием горских мужчин, о том уроне, который они нанесли русским шакалам, не забыв при этом упомянуть и о трудностях, которые испытывает его отряд. Причиной всех трудностей, по словам полевого командира, являлось недостаточное финансирование чеченцев-патриотов их братьями-мусульманами из других странах. Бисламов считал, что после таких слов курьер сразу достанет привезенные деньги и с извинениями за задержку передаст их в его руки. Но Мухаммед проигнорировал его откровенный намек. Те же обычаи кавказского гостеприимства не позволяют хозяину самому переходить к деловой части беседы, оставляя это право гостю. Но гость явно не торопился вручить посланные отправителем деньги, и Бисламов решил сам напомнить курьеру о его прямых обязанностях:

– Мы делаем общее дело, сражаясь против неверных. И в этой борьбе рассчитываем на поддержку наших братьев.

Мухаммед проницательно взглянул в глаза Ильяс Бисламову, после чего сделал неуловимый знак охраннику, и тот молниеносно сбросил с плеч свой рюкзак и передал хозяину.

– Иди прогуляйся. Ты мне пока не нужен, – по-арабски обратился Мухаммед к телохранителю, и тот, понимающе кивнув, выбрался из палатки. – Я отправил его прогуляться по лагерю, пока мы будем вести деловой разговор, – пояснил Мухаммед свои действия Бисламову, вновь переходя на русский язык, на котором он изъяснялся с полевым командиром.

Бисламов кивнул в ответ, хотя в произнесенной гостем фразе понял только одно слово – «иди». Знание иностранных языков не являлось отличительной чертой бывшего приемщика ломбарда. Курьер тем временем распаковал рюкзак своего охранника и, вытащив оттуда один из пластиковых пакетов с деньгами, перебрал его через стол на колени к Бисламову. Пальцы полевого командира жадно впились в защищенные целлофаном банкноты.

– Сколько здесь? – не в силах совладать с собой, дрогнувшим голосом спросил он.

– Пятьдесят тысяч, – спокойно ответил Мухаммед.

– Как пятьдесят?! – непроизвольно вырвалось у Бисламова. – Ведь вы должны были привезти сто тысяч!

– Вы что-то путаете, уважаемый Ильяс, – с легкой улыбкой на лице ответил курьер. – Мы привезли вам именно ту сумму, которую и должны были привезти. Это вы первоначально вели разговор о ста тысячах долларов, но... – Мухаммед картинно развел руками. – Мы тоже испытываем трудности. Эти деньги, – он указал взглядом на пакет с долларами на коленях Бисламова, – наши братья собирали по крохам, недоедая и отказывая себе буквально во всем.

Курьер сделал скорбное лицо и поднял глаза на полевого командира. Но глаза того, напротив, вспыхнули ненавистью. За время своей работы в ломбарде Ильяс Бисламов научился отличать по-настоящему дорогие вещи от дешевых подделок. Поэтому, лишь взглянув на руку курьера во время приветственного рукопожатия, сразу определил, что перстень из белого золота с крупным голубым сапфиром на безымянном пальце Мухаммеда стоит не одну тысячу

долларов. Цена перстня заставляла сомневаться, что брату-мусульманину, сидящему по другую сторону стола, приходится отказывать себе буквально во всем. Но несмотря на кипевшее в нем негодование, Ильяс Бисламов понимал, что ему ни в коем случае нельзя портить отношения с зарубежным курьером. Если курьеру что-то не понравится или он решит, что Бисламов требует слишком много, лидеры организации вообще могут прекратить финансирование отряда. А тогда... Бисламову даже страшно было представить, что произойдет тогда. Его боевики разбегутся. Потому что словами, не подкрепленными долларом, не заставишь воевать даже неграмотного пастуха. Да и ему самому придется распрощаться с сытой обеспеченной жизнью. Поэтому все недовольство Ильяса Бисламова ограничилось единственной фразой:

– Очень трудно вести борьбу, не получая поддержки от друзей, столь необходимой в эти тяжелые для нашего народа дни.

– Трудности преходящи. Будем надеяться, что положение изменится, ведь на все воля Аллаха, – ответил Мухаммед и поднял вверх руки, еще раз продемонстрировав Бисламову свой перстень на безымянном пальце.

– На все воля Аллаха, – повторил за курьером чеченский полевой командир.

В этот момент полог палатки распахнулся. Внутри протиснулся молчаливый охранник Мухаммеда и, заняв прежнее место за столом, обратился к своему хозяину.

– Я нашел их, – произнес он по-арабски. – Отдельная палатка на склоне, выше основного лагеря. Возле палатки часовой, судя по внешности, русский.

«А может, украинец, серб или другой славянин», – мысленно возразил Мухаммед, а вслух уточнил:

– Ты видел только одного?

– Двоих, – чуть помедлив, ответил телохранитель. – Но второго не рассмотрел.

Мухаммед изумленно вскинул брови: чего-чего, а невнимательности за его телохранителем не водилось. Однако он не стал задавать телохранителю уточняющий вопрос, а, вновь переходя на русский, обратился к Бисламову:

– Благодарю за отменное угощение. В полевых условиях редко можно встретить подобный прием, уважаемый Ильяс. После столь сытного ужина мне нужно немного пройтись. – Хитро улыбнувшись Бисламову, Мухаммед добавил: – Ну, вы меня понимаете.

Тот услужливо поднялся со своего места:

– Я покажу дорогу.

Но гость решительно выставил перед собой руку:

– Нет-нет, благодарю. На такую прогулку настоящий мужчина отправляется в одиночку.

С этими словами Мухаммед достал из бокового кармана рюкзака распечатанную пачку бумажных салфеток и, сунув ее себе в карман, выбрался из палатки.

Глава 5

ПОЛЕВОЙ ЛАГЕРЬ ЧЕЧЕНСКИХ БОЕВИКОВ

4.09, среда, 21-15

Окружившие командирскую палатку телохранители Бисламова косо посмотрели на выбравшегося из палатки гостя, но остановить курьера не решились. Держась от угрюмых телохранителей своего полевого командира на почтительном расстоянии, по лагерю по-прежнему расхаживали боевики. Многие из них специально вышли из своих палаток, чтобы взглянуть на прибывшего в отряд заграничного курьера. Они глупо пялились на него, вызывая у гостя нарастающее раздражение. Один из боевиков даже решился обратиться к курьеру с вопросом. Тот ответил ему по-арабски. Чеченец явно не был полиглотом, поэтому лишь недоуменно пожал плечами и отошел в сторону, избавив курьера от своего присутствия. Курьер беспрепятственно пересек поляну, на которой разбили лагерь боевики Ильяса Бисламова, и поднял взгляд на густо поросший лесом склон холма. На склоне, под раскидистым деревом, стояла еще одна палатка, накрытая маскировочной сетью, в чем, по мнению курьера, не было необходимости. Однако он отметил предусмотрительность установивших палатку людей. В случае воздушного налета она имела наибольшие шансы уцелеть, так как была замаскирована лучше всех остальных. Курьер осторожно направился к палатке, но в десяти метрах от нее был остановлен внезапно выросшим словно из-под земли часовым.

– Стой! – негромко, но твердо приказал ему часовой, направив в живот автомат. – Кто такой?!

Часовой говорил по-русски, и курьер пожалел, что недостаточно хорошо знает этот язык, чтобы по выговору определить национальность часового. К тому же сгустившиеся сумерки не позволили ему как следует рассмотреть остановившего его бойца. Он заметил лишь, что часовой высок и широк в плечах, а его носовой хрящ переломлен, как иногда бывает у профессиональных боксеров.

– Кто такой?! – повторил свой вопрос часовой, так и не дождавшись ответа от разглядывающего его курьера.

– Заказчик, – в тон часовому ответил курьер, с волнением ожидая его реакции.

Но часовой остался совершенно невозмутим, никак не среагировав на ответ.

– Мне нужен твой командир, – решился добавить курьер.

Часовой вновь не ответил, лишь его губы растянулись в презрительной усмешке. Зато из палатки раздался голос:

– Боксер, кто там?!

– Назвался заказчиком, просит командира, – немедленно ответил часовой.

А курьер с удовлетворением отметил, что верно определил характерную примету часового, послужившую основанием для его прозвища. Но еще большее удовлетворение он испытал оттого, что наконец отыскал нужных ему людей, ради встречи с которыми он отправился в этот полный опасностей путь через границы трех государств. Словно в ответ на мысли курьера в палатке отодвинулся полог, и наружу выскользнул человек в раскатанной до подбородка черной вязаной маске. Увидев его, курьер от неожиданности и мимолетного страха даже подался назад, чем заслужил новую презрительную усмешку часового.

Человек в черной маске стал в двух шагах от часового и положил руки на поясной ремень, практически в точности копируя стойку личного телохранителя зарубежного курьера. Если бы не шерстяная маска, полностью закрывавшая его лицо и голову, курьер смог бы как следует рассмотреть выбравшегося из палатки человека. Не имея возможности взглянуть в лицо своему собеседнику, курьер принялся рассматривать его фигуру. Незнакомец оказался ниже

среднего роста и рядом с мощным и широкоплечим Боксером, который был выше его на целую голову, казался просто маленьким. Как и все боевики, он был одет в армейскую камуфляжную форму. Но в отличие от грубых армейских ботинок чеченцев, человек в маске носил мягкие охотничьи ботинки, судя по качеству, явно импортного производства и соответственно весьма дорогие. Замшевые кроссовки часового были не в пример проще и дешевле.

– Так и будем стоять? – подал голос незнакомец. – Вы же говорили, что у вас ко мне дело.

Натянутая на голову шерстяная маска не имела прорези для рта. Поэтому донесшийся из-под нее голос казался неестественным. «Этот малый весьма не прост. Прячет не только лицо, но и голос», – отметил про себя курьер, оценив проявленную незнакомцем предусмотрительность, и уже вслух произнес:

– Прежде всего я хотел бы представиться. Меня зовут Мухаммед.

– Блэк, – сейчас же ответил человек в маске.

«Черный», – перевел на родной язык прозвучавшее имя курьер и, указав взглядом на черную маску на голове собеседника, поинтересовался:

– Предпочитаете этот цвет?

Но человек в маске явно не был склонен к откровениям, поэтому, проигнорировав последний вопрос курьера, сказал:

– Я слушаю вас.

Его собеседник за свою жизнь провел столько вербовочных бесед, что уже сбился со счета. Но сейчас он никак не мог решить, с чего начать разговор. Да и присутствие рядом Боксера мешало сосредоточиться. Неожиданно курьер вспомнил про пачку бумажных салфеток в своем кармане и, продемонстрировав ее человеку в маске, извиняющимся голосом произнес:

– После того как мы познакомились, не сочтите за труд указать укромное место, где можно справить нужду. Только такое, где меня никто не увидит.

Услышав столь витиеватую фразу, часовой, не сдержавшись, прыснул в кулак. Человек в маске, напротив, остался совершенно серьезен. Вернувшись к палатке, он запустил руку под ее полог и вытащил оттуда за ремень автомат. Поначалу курьер решил, что видит перед собой российский «АК-74», но, присмотревшись, понял, что в руках Блэка оказался автомат более современной версии знаменитого Калашникова. Блэк шелкнул предохранителем, передернул затвор и, перехватив автомат обеими руками, скомандовал:

– Идите вперед. Я объясню дорогу.

Следуя указаниям конвоира в черной маске, курьер послушно зашагал между деревьями. Блэк шел сзади, держа его под прицелом своего автомата. Когда росшие на склоне холма деревья плотной стеной заслонили оставшийся за спиной лагерь, Блэк остановился.

– Вот мы и одни, – обратился он к идущему впереди курьеру. – Можете говорить спокойно. Здесь вас никто не услышит.

– А вы весьма проникательны, мистер Блэк, – отпустил комплимент в его адрес курьер.

– Ближе к делу, – ответил тот, давая понять, что комплименты его мало интересуют.

– Мне говорили о вас как об отличном профессионале, – начал курьер, но Блэк перебил его:

– Профессионал не бывает отличным или хорошим. Он либо профессионал, либо нет.

– Слова, достойные настоящего воина, – заметил курьер. – Я хочу предложить вам работу, которая по плечу только профессионалу. Скажу сразу: работа сложная. Но ведь вы настоящий профессионал.

– Что за работа? – вновь перебил курьера Блэк.

– Не спешите. Со временем вы все узнаете. Как я уже сказал, работа сложная. Но поэтому она и хорошо оплачивается. Что вы скажете насчет миллиона американских долларов?

Человеку в черной маске показалось, что он ослышался. От нанимающих его диверсионную группу чеченских полевых командиров он получал по 200 долларов за каждого убитого

российского солдата, 500 долларов стоил офицер в звании до майора, 1000 долларов – старший офицер и сожженный автомобиль, 2000 – полковник или уничтоженная бронемашина. Проведя пять успешных нападений на российские автоколонны и уничтожив в общей сложности около сорока российских военных, три грузовика, штабной автомобиль и два БТРа, он не получил от чеченцев в качестве платы за свою работу и тридцати тысяч долларов. А ведь половину этой суммы еще придется отдать своим бойцам! Он и так, как командир, получает пятьдесят процентов от всего, что они зарабатывают. Он и раньше считал, что он сам и его люди работают за гроши. Но после того как новый заказчик не моргнув глазом объявил, что предлагаемый контракт стоит миллион долларов, заплаченные чеченцами деньги показались ему просто жалкими. Еще до того, как ответить заказчику, человек в маске уже знал, что согласится. Согласится независимо от того, какую работу поручит ему заказчик. Однако по тому, как заказчик назвал стоимость контракта, человек в маске понял, что обещанный заказчиком миллион у него далеко не единственный. Да и опыт общения с чеченскими полевыми командирами научил его, что при определении окончательной стоимости контракта всегда следует торговаться. В результате такой торговли цена, как правило, вырастала в несколько раз. У него даже дух перехватило, когда он представил, что и цена предлагаемого контракта тоже может возрасти.

В плотной маске можно было не опасаться, что собеседник заметит изменившееся выражение лица. И Блэк, стараясь сохранять прежний спокойный голос, ответил:

– Вы назвали большую сумму. Но каждая работа имеет свою цену. Поэтому, прежде чем дать свой ответ, я должен знать, что за дело вы хотите мне поручить.

– Резонно, – согласился заказчик. – Но есть один момент. Заказ или дело, как вы изволили выразиться, исходит не лично от меня, а, скажем так, от той организации, которую я представляю. Поэтому, прежде чем посвятить вас в его суть, мне необходимо убедить моих коллег, что вы именно тот человек, который способен справиться с поставленной задачей.

– Значит, все же сомневаетесь в моем профессионализме? – усмехнулся человек в черной маске.

– Что вы! У меня нет для этого ни малейшего основания, – поспешил возразить заказчик. – Вот только пресс-центр российских войск, сообщив о сегодняшнем обстреле автоколонны, объявил несколько иное число потерь, чем вы назвали уважаемому господину Бисламову. Как вы это объясните?

Блэк неопределенно пожал плечами:

– Занижение истинного числа потерь – обычная практика.

– Скорее всего. Но ведь такой же вопрос может возникнуть и у моих коллег. Чтобы его снять раз и навсегда, я должен увидеть вашу работу собственными глазами.

– Хотите присутствовать при следующей акции? – уточнил человек в маске и, получив утвердительный кивок заказчика, добавил: – Устраиваете проверку на вшивость?

На этот раз заказчик не понял смысла прозвучавшего вопроса и промолчал. Но и не получив ответа, его собеседник закончил решительным тоном:

– Хорошо, следующий фейерверк мы дадим специально для вас. Но предупреждаю сразу, выбираться с представления вы будете самостоятельно.

– Не беспокойтесь, мистер Блэк. Я не обременю своим присутствием вашу группу, – с довольной улыбкой ответил заказчик.

Прежде ему уже приходилось участвовать и руководить подобными акциями, хотя в последнее время его роль ограничивалась их разработкой. Но в этот раз он собирался наблюдать за ходом боя с безопасного расстояния. «Современные оптические приборы позволяют быть в курсе происходящих событий, не принимая в них непосредственного участия. Да и покинуть зрительскую ложу можно задолго до того, как на сцене прозвучит последний выстрел», – думал он, глядя в удаляющуюся спину своего собеседника.

Глава 6

ОКРЕСТНОСТИ ПОЛЕВОГО ЛАГЕРЯ

4.09, среда, 22-00

Блэк шел по лесу, не разбирая дороги. Но укоренившийся на уровне рефлексов навык бесшумного передвижения в густых зарослях заставлял его обходить встречающиеся на пути деревья и вовремя нагибаться под их разлапистыми нижними ветвями. Только оказавшись на открытом склоне холма, Блэк остановился. В висках по-прежнему стучала произнесенная заказчиком фраза: «Что вы скажете насчет миллиона американских долларов?» Что он должен был сказать? Нет! Он выбрал правильный ответ! Своим ответом он сразу заставил заказчика себя уважать. Уважение – вот чего он добивался от окружающих всю свою жизнь! И наконец добился этого! Больше никто не называет его тем мерзким приклеившимся с детства прозвищем! Для всех он Блэк – командир, нет, лидер, вожак и организатор лучшей у чеченцев и самой опасной для федеральных войск диверсионной группы! И единственное, чего ему еще не хватает, так это денег. Да, ему нужны деньги. Деньги, которые заставят уважать его не только чеченских духов и федералов, но всех остальных. В этом поганом мире добиться всеобщего уважения позволяют только деньги! Но для этого их должно быть много, очень много! И, похоже, те времена, когда он сможет купить себе не только ужин в ресторане, но и весь ресторан, не только номер в отеле, но и сам отель, скоро наступят.

Блэк почувствовал горький привкус во рту. Чтобы избавиться от горечи, он набрал в рот слюны и уже собрался сплюнуть, но тут обнаружил, что его лицо по-прежнему закрыто шерстяной маской. Он быстро закатал края маски, подняв ее на лоб, после чего с удовольствием выплюнул скопившуюся во рту слюну и опустился на траву, положив на согнутые колени автомат. Внизу, у подножия холма, раскинулся лагерь чеченских боевиков. Правда, наступившая в горах темнота сейчас скрывала лагерь от сидящего на склоне холма человека. Блэк с удовлетворением отметил, что с наступлением ночи чеченцы затушили свои костры и теперь огонь не выдает в темноте их присутствия. А сколько раз ему пришлось повторить их тупому командиру, что ночью горящий костер виден с воздуха за десятки километров. Бисламову просто повезло, что у федералов не так много вертолетов, оборудованных средствами для ночных полетов, и их воздушные охотники ни разу не пролетали ночью над его лагерем. Но если бы люди Бисламова и дальше жгли по ночам костры, то вместо вымаливаемой благодарности Аллаха им на головы когда-нибудь непременно свалились бы осколочные бомбы.

«Самовлюбленный идиот, – подумал Блэк, ложась на спину и направляя взгляд в черное ночное небо. – Ведь уже не первый год командует отрядом, а о правилах световой маскировки не имеет даже элементарного понятия. Тупой баран, он так и не понял, что первая война кое-чему научила федералов. Бисламов – баран, но это не он, а я служу ему. Но ничего, скоро все изменится. Очень скоро». Стремительно поднявшись с земли, человек в закатанной на лоб черной маске забросил на плечо автомат и решительно направился в сторону лагеря.

* * *

Первый раз Боря Молчанов нестерпимо захотел, чтобы все изменилось, когда ему было еще только десять лет. Это произошло первого сентября, в день, когда Боря впервые пришел в новую школу. Три первых класса начальной школы он проучился по месту жительства. Школа располагалась совсем рядом с домом, нужно было только пройти через двор и перейти через улицу. И Боря ходил туда с удовольствием.

У него оказалась великолепная память, поэтому, быстро сделав уроки, он бежал во двор поиграть с такими же, как он, пацанами. У матери, воспитывающей сына в одиночку, не хватало денег, чтобы часто покупать Боре игрушки, и он научился делать их сам. В конце третьего класса он смастерил отличную рогатку: отпилил одолженной у соседа ножовкой раздваивающуюся ветку и привязал к ее отпиленным концам полоску, вырезанную из выброшенной на помойку старой велосипедной камеры. То, что в качестве тетивы для рогатки лучше всего подойдет резина велосипедной камеры, а в качестве пулек – металлические шарики от подшипников, Боре подсказал соседский Юрка, живущий в том же подъезде этажом выше, который был старше его на три года. Из собственноручно сделанной рогатки Боря с удовольствием расстреливал отыскиваемые на мусорной свалке пустые бутылки, а также ворон, слетающихся покопаться в отбросах. Обладая твердой рукой и хорошим глазомером, он вскоре научился попадать даже в низколетящих ворон. Однажды Юрка, увидев, как кувыркается по земле сбитая Борей птица, не скрывая своего восхищения, заметил:

– Да ты прямо снайпер.

Боря был польщен. С той случайной встречи и началась их дружба.

Все три первых класса Боря Молчанов закончил с похвальными листами, которые в конце каждого года вручала ему, наряду с прочими отличниками, директор школы. В Борином дневнике стояли одни пятерки. Даже учительница пения, обнаружив, что Боря не совсем чисто выговаривает букву «л», ставила ему пятерки, справедливо посчитав, что этот небольшой дефект речи с возрастом исправится. Мать не могла нарадоваться на сына. Еще большую гордость она ощутила тогда, когда директор школы сообщила ей, что с тем прилежанием, которое показывает Боря на занятиях, он мог бы с успехом учиться и в специализированной школе-лицее. После этого разговора желание перевести сына в городской лицей стало для матери десятилетнего Бориса главной целью.

В небольшом городке Ивановской области, где родился Боря, школа-лицей была единственной. Учились там преимущественно дети партийных функционеров, членов горисполкома и горсовета, а также работников хозяйственной и овощной баз, директоров магазинов и всех прочих людей, обладающих связями или деньгами. Мать Бори Молчанова не могла похвастаться ни тем, ни другим. Поэтому для сына простой работницы швейной фабрики дорога в лицей оказалась закрытой. Но женщина нашла выход. На полставки она устроилась в школу техничкой. Желающих идти на эту грязную и низкооплачиваемую работу было не много, и техничек в школах всегда не хватало. Не составлял исключения и городской лицей. Поэтому директор лицея охотно взял на работу новую техничку, единственным условием которой было зачисление в лицей ее отпрыска. Так Боря Молчанов был принят в не доступную для простых смертных школу.

Накануне первого сентября он очень волновался и даже плохо спал ночью. Все представлял себе, как придет в новую школу и как встретится со своими новыми друзьями. Мать волновалась не меньше сына, наглаживая его прошлогодний школьный костюмчик и радуясь в душе, что Боря не успел за лето из него вырасти, что избавило ее от лишних трат. Мать Бори родила сына вне брака, поэтому и алиментов на ребенка не получала, что заставляло ее постоянно жить в режиме жесточайшей экономии. Наутро, надев отглаженный матерью костюм и взяв в руки букет, составленный из выросших на загородном огороде цветов, десятилетний Боря Молчанов отправился в лицей.

Новая Борина учительница кисло улыбнулась, принимая из рук ребенка коротенькие астры, и положила цветы на подоконник, подальше от благоухающих роз с длинными стеблями, горой возвышающихся на ее столе. Сразу же забыв про невзрачные астры, которые не шли ни в какое сравнение с пышными букетами других учеников, учительница повернулась к Боре и, небрежно махнув рукой в сторону парт, сказала:

– Иди, садись на свободное место.

Немного растерянный от такого невнимания к себе, Боря уселся за последнюю парту. Но так как он был небольшого роста, парта оказалась для него слишком высока, и мальчик пересел на третий ряд. Его сосед повернул к Боре надменное лицо и процедил сквозь зубы:

– Здесь занято. А ну брысь отсюда, коротышка.

От обиды кровь прилила к лицу Бори. Ему захотелось ударить мальчишку, посмевшего обозвать его коротышкой. Но он сдержался и, молча поднявшись, вернулся на последнюю парту. На перемене к нему подошел тот же мальчишка, но уже не один, а в окружении своих приятелей. Они обступили Борю полукольцом, и недавний Борин обидчик поинтересовался:

– Тебя как зовут, новенький?

– Боря, – ответил мальчик.

– Бо-ря, – растягивая гласные, передразнил обидчик. – А как фамилия?

– Мо...чанов, – от волнения Боря проглотил букву «л».

– Как?! – скривился обидчик. – Моча-нов?! – передразнил он, и все его приятели дружно рассмеялись. Это был даже не смех, а настоящее ржание. – Моча! Ой, держите меня! – кричал обидчик, показывая на Борю пальцем.

– Моча – вот это фамилия! – вторили приятелю одноклассники.

Вот тогда Боре нестерпимо захотелось, чтобы они раз и навсегда заткнулись и чтобы он вновь оказался в своей старой школе. Но ничего не изменилось. Одноклассники продолжали смеяться. И тогда Боря сам решил восстановить справедливость. Он ударил по носу одного, попал по лицу другому. Но на него навалились все сразу. Началась потасовка. Боря и те двое мальчишек, кого он успел ударить, упали на пол и принялись кататься между парт, пихая друг друга руками и ногами. Но в этот момент их разняла появившаяся в классе учительница. Несмотря на подавляющее численное превосходство своих противников, Боря Молчанов отделался лишь слегка помятой школьной формой. Зато один из его обидчиков размазывал по лицу кровь, текущую из разбитой губы, а второй чуть не со слезами смотрел на вырванную с мясом пуговицу. Учительница расценила результат драки по-своему. Видя нанесенный Борей ущерб, она сразу причислила мальчика в разряд хулиганов, о чем и сделала запись в его дневнике, объявив Борю зачинщиком драки. Боря не считал себя виноватым, но обиднее всего оказалось то, что данное одноклассниками прозвище намертво прилипло к нему.

Глава 7

ШТАБ ОБЪЕДИНЕННОЙ ГРУППИРОВКИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СИЛ, ВОЕННАЯ БАЗА, ХАНКАЛА

5.09, четверг, 09-45

Поднявшись из-за стола, Евгений Кудрявцев почувствовал, что взгляды командующего Объединенной группировкой федеральных сил, его заместителей и всех присутствующих на совещании сейчас же переключились на него. Среди всех офицеров, собравшихся на совещание в просторном кабинете здания штаба военной базы в Ханкале, лишь он да Юрий Снежин имели майорские звания. Входя в кабинет, Евгений заметил двух подполковников. Все прочие носили на плечах полковничьи и генеральские погоны. Однако пристальное внимание генералов и старших офицеров Кудрявцева нисколько не смутило. Заместителю командира отряда спецназначения военной разведки не раз приходилось участвовать в совещаниях, где все остальные офицеры были старше его по званию. Да и командование Объединенной группировки тоже относилось к нему не как к простому армейскому майору, а как к представителю Генерального штаба. И Евгений ощущал это в обращенных на него взглядах, поэтому без тени смущения начал свой доклад:

– Я понимаю, что оперативность, которой добивается Генеральный штаб, во многом усложняет задачу...

В действительности телеграмма, указывающая на необходимость скорейшего проведения предложенной Кудрявцевым операции, пришла за подписью начальника Главного разведуправления. Но Кудрявцев сознательно перенес мнение начальника ГРУ на весь Генеральный штаб. То, что начальник ГРУ является еще и одним из заместителей начальника Генштаба, вполне позволяло ему это сделать. Судя по тому, что майора никто не поправил, командующий группировкой, его заместители и все прочие генералы и офицеры согласились с таким обобщением.

– Но если не провести операцию в ближайшие дни, то диверсанты расстреляют колонну, выбранную по их собственному усмотрению, и уйдут из Аргунского района. Вновь погибнут люди, а нам останется только гадать, где диверсанты нанесут свой удар в следующий раз. Сейчас же, когда у нас есть реальная возможность спровоцировать нападение диверсантов на подставленную нами автоколонну-ловушку и захватить или уничтожить эту диверсионную группу, мы не имеем права ее упустить.

– А на чем основана ваша убежденность, что диверсанты непременно нападут на подставляемую им автоколонну-ловушку? – поинтересовался со своего места командующий группировкой.

Этот вопрос не стал для Кудрявцева неожиданным. Еще на этапе планирования операции он всесторонне обсудил ее с представителем военной контрразведки на базе в Ханкале и с начальником военной базы. Автоколонна-ловушка, на которую предполагалось выманить диверсантов, являлась их совместной идеей. Поэтому в своем ответе на вопрос командующего Евгений постарался аргументированно обосновать ее:

– Судя по предыдущим акциям диверсантов, они стремятся убить как можно больше людей, поэтому и выбирают для обстрела автоколонны с личным составом. Мы же планируем подставить им автоколонну, перевозящую людей и боеприпасы. Идея состоит в следующем. Из Гудермеса в Ханкалу пойдет колонна в составе роты краснодарского СОБРа, следующей на двух грузовиках, грузовика с боеприпасами, а именно «НУРСами», противопехотными

минами, ручными гранатами и гранатометными выстрелами. – На последних словах Кудрявцев не сумел сдержать улыбки и, продолжая улыбаться, закончил: – И двух бронетранспортеров боевого охранения. Как видите, при таком составе автоколонны при взрыве грузовика с боеприпасами будут неминуемо уничтожены и соседние машины. В реальности общие потери могут составить от одного до двух взводов личного состава. Несмотря на кажущуюся высокую степень защиты: два БТРа и целая рота собровцев, сформированная таким образом автоколонна крайне уязвима. Поэтому мы считаем, – он перевел взгляд на майора Снежина, – что диверсанты не смогут отказаться от идущей к ним в руки столь легкой добычи. К тому же при планировании операции мы учли и момент личной вражды, которую питает полевой командир Бисламов, нанявший диверсантов, к бойцам краснодарского СОБРа.

Изложив подготовленные аргументы, Кудрявцев замолчал. Воспользовавшись наступившей паузой, один из заместителей наклонился к командующему группировкой и вполголоса принялся ему что-то объяснять. Кудрявцев не разобрал общего смысла его слов, но несколько раз услышал выражение «краснодарский СОБР». Дослушав до конца своего заместителя, командующий кивнул и вновь обратился к Кудрявцеву:

– Каким образом вы собираетесь информировать боевиков о проходе автоколонны?

– На этот вопрос, думаю, лучше всего ответит представитель военной контрразведки, – произнес тот и перевел взгляд на майора Снежина.

Несколько теряясь от общего внимания собравшихся на совещание генералов и старших офицеров, контрразведчик поднялся со своего места:

– 8 сентября в Гудермес прибывает сборный эшелон. Военному коменданту, а также начальнику станции и двум-трем железнодорожным рабочим из числа чеченцев будет доведена информация, что вместе с эшелоном прибывает и отряд краснодарского СОБРа, следующий в Ханкалу. Интенданты, закупающие у чеченцев продукты, будут неофициально извещены, что 8 сентября на базе ожидается пополнение. И наконец, начальник склада арттехвооружения получит официальный приказ подготовиться к приему «НУРСов», противопехотных мин, гранатометных выстрелов и ручных гранат. И к 8 сентября освободить места под вышеперечисленные боеприпасы. На работах по освобождению стеллажей, предназначенных для хранения новых боеприпасов, будут задействованы военнослужащие, свободно покидающие территорию базы. Таким образом с высокой долей вероятности можно сделать вывод, что информация об автоколонне с собровцами и машиной боеприпасов дойдет до боевиков. И наконец более подробная дезинформация будет доведена до полевого командира Бисламова агентурным путем.

Выслушав контрразведчика, командующий погрузился в собственные мысли. Снежин же остался стоять, не решаясь спросить у него разрешения сесть. Наконец он перевел взгляд на своего непосредственного начальника, и тот энергично махнул рукой, указав подчиненному на его стул.

– Что ж, звучит убедительно, – наконец сделал вывод командующий группировкой и, вновь отыскав взглядом офицера ГРУ, спросил: – А какие силы и средства потребуются для проведения предлагаемой вами операции?

– Четыре штурмовые группы «Каскада» численностью до двух взводов, три грузовика для формирования автоколонны и два БТРа, имитирующих боевое охранение, а также передвижные комплексы обнаружения оптических и электронных средств наблюдения по числу автомашин, – быстро перечислил Кудрявцев.

– Значит, нашему спецназу вы не доверяете? – подал голос один из генералов, сидящий слева от командующего.

Генерал был в полевой камуфляжной форме, а окружавшие его офицеры сидели настолько плотно, что, кроме погон с генеральскими звездами, невозможно было разглядеть его знаки различия. Поэтому Кудрявцев так и не смог определить, является ли он представителем армии или МВД. Однако это не повлияло на его ответ:

– Операция по захвату диверсионной группы противника потребует безусловной согласованности и слаженности действий даже не задействованных подразделений, а всех без исключения бойцов. Поэтому и проводить ее должны люди, имеющие опыт совместных боевых действий, которые хорошо знают друг друга, понимают друг друга с полуслова, условного жеста или взгляда. – По мнению Кудрявцева, объяснение получилось слишком замысловатым, и, чтобы лучше донести до присутствующих смысл сказанного, он спросил: – Вы сами решились бы вести в бой не знакомое вам подразделение?

Генерал, который последний раз лично водил своих бойцов в атаку лет двадцать назад, не нашелся, что ответить на вопрос офицера ГРУ, и промолчал. Зато вновь задал свой вопрос командующий Объединенной группировкой:

– Сколько времени уйдет на то, чтобы собрать необходимые для операции силы и средства?

– Полагаю, что с грузовиками и бронетранспортерами проблем не будет, – ища подтверждение своим словам, Кудрявцев перевел взгляд на заместителя командующего по инженерно-техническому обеспечению. – Что же касается штурмовых групп нашего отряда, то при положительном решении о проведении операции они смогут прибыть в Ханкалу в течение суток.

Со слов ветеранов «Каскада» и преподавателей учебного центра спецназа ГРУ Евгений знал, что во времена Советского Союза любой из командиров отряда на аналогичный вопрос неизменно ответил бы: «В течение двух часов с возможностью вылета в любую точку земного шара!» Именно столько времени отводилось бойцам «Каскада», чтобы по поступлении сигнала тревоги собраться на своей базе, а дежурному летному экипажу на аэродроме при необходимости дозаправить транспортный самолет. С тех пор многое изменилось. Уже не стоит в ангаре в ожидании вылета приписанный к отряду военно-транспортный самолет. Но время, отпущенное на сбор по тревоге, по-прежнему осталось неизменным. Да и отчаянных пилотов отнюдь не стало меньше. Вот чего действительно не хватает, так это ответственных решений, защищающих интересы страны. Но командующий Объединенной группировкой федеральных сил оказался не из тех людей, кто боится принятия ответственных решений. Одобрительно глядя на заместителя командира «Каскада», он сказал:

– Действуйте, майор. Всю необходимую технику вы получите, – и, обернувшись к одному из своих помощников, добавил: – Подготовьте соответствующий приказ и ответ на телеграмму Генштаба.

Невысокий подполковник, мгновенно выросший за спиной командующего, что-то черкнул в своем блокноте и, захлопнув его, взглянул на Кудрявцева как на победителя. И хотя Евгений понимал, что до настоящей победы еще очень далеко, в его душе поселилась уверенность, что первый шаг к ней уже сделан. «Вот теперь никуда эти диверсанты не денутся, – сказал он самому себе. – Мы их так прищучим...» И, вспомнив тела расстрелянных и сожженных солдат, мстительно сжал кулаки.

Глава 8

ПОЛЕВОЙ ЛАГЕРЬ БОЕВИКОВ, 17 КМ ЮЖНЕЕ ШАЛИ

6.09, пятница, 15-20

Мальчишка был худ и тяжело дышал широко открытым ртом, отчего его впалые щеки втягивались еще больше. Однако черные прищуренные глаза горели ненавистью к неверным и осознанием важности собственной миссии. Мальчишка преодолел бегом по лесу более десяти километров и совершенно выбился из сил, но вместо того чтобы хоть немного передохнуть, явился с докладом к командиру отряда. Человек, которого Ильяс Бисламов считал курьером и инспектором, а командир диверсантов называл заказчиком, взглянув в лицо мальчишки, одобрительно кивнул головой. Вот именно из таких ослепленных ненавистью и жаждой мести мальчишек его организация набирала своих бойцов. Это они совершенно бескорыстно, всего лишь за идею, обвешанные взрывчаткой и оружием, врываются в торговые центры и дискотеки, родильные дома и больницы, полицейские участки и блокпосты. Из них организация готовила смертников-камикадзе, со связкой гранат бросающихся под вражеские танки и бронемшины, примером своей героической смерти поднимающих на борьбу десятки и сотни таких же фанатиков.

Малограмотный чеченский мальчишка, которому лишь недавно исполнилось тринадцать лет, не знал, о чем думает пристально рассматривающий его незнакомец. Для него это было и неважно. Раз сам командир разрешает ему присутствовать при разговоре, значит, при нем можно говорить. И подросток заговорил:

– Русские в Ханкале освобождают артиллерийский склад... – Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание, и продолжил: – Сегодня с утра их солдаты перетаскивали ящики со снарядами, чтобы освободить часть склада... А их прапор все время подгонял их.

– Откуда сведения? – поинтересовался Бисламов.

– Иса сообщил, – ответил гонец. – Те солдаты, что склад разгружали, к нему в чайхану заходили, шаурму ели... и прапора своего ругали, который их с утра работать заставил.

– И много ящиков они перетаскивали? – подал голос молчавший до этого незнакомец.

– Иса не знает. Наверное, солдаты ему не сказали, – предположил подросток. – Но Иса заметил, что они выглядели очень уставшими, словно работали несколько часов.

– А сколько их было? – поинтересовался незнакомец.

– В чайхану заходили четверо, но, по их собственным словам, работали все.

Незнакомец кивнул и быстро уточнил:

– Когда, говоришь, они появились в чайхане?

– В час, нет, в половине второго. Я как раз посуду мыл, – вспомнил подросток. – А как они ушли, Иса меня сюда и послал.

Бисламов бросил мимолетный взгляд на зарубежного курьера и, поняв по его лицу, что у того больше нет вопросов к гонцу, произнес:

– Молодец, Руслан. Ты нам очень помог. Вернешься, передай Исе мою благодарность. А сейчас иди к Ахмеду. Он тебя накормит. И возьми, что захочешь, для своей сестры! – крикнул он вслед выходящему из палатки мальчишке.

Когда зарубежный гость и хозяин вновь остались в палатке одни, курьер повернулся к Бисламову и спросил:

– А что это за солдаты, которые заходят к твоему человеку в чайхану?

– Дембеля из взвода обслуживания российской базы. Иса их хорошо знает, они у него часто бывают.

Гость удовлетворенно кивнул:

– Значит, целый взвод или минимум одно отделение полдня освобождало место на складе боеприпасов. Похоже, русские ждут новый груз, который должен прийти в самое ближайшее время. Вопрос только откуда?

– В воскресенье в Гудермес должен прибыть очередной воинский эшелон. Может, ожидаемый груз придет с ним, – предположил Бисламов.

– Может быть, – зарубежный гость задумчиво кивнул. – Надо уточнить. У вас есть свои люди на станции?

– Обижаете, уважаемый Мухаммед, – произнес Бисламов и самодовольно улыбнулся.

– Вот и отлично, – подвел итог гость. – Взрывоопасный груз не будут держать на станции, значит, через три дня из Гудермеса в Ханкалу пойдет очередная автоколонна. – Курьер поднял взгляд на полевого командира. – Похоже, у ваших людей в скором времени будет работа. Только, – гость сделал вид, что задумался, – ценный груз всегда хорошо охраняется. Я думаю: не стоит рисковать нашими преданными борцами. Пусть эту опасную работу выполнят наемники. Не зря же они получают за это деньги.

Ильяс Бисламов никак не ожидал, что зарубежный инспектор может выступить с таким предложением. Однако, когда оно прозвучало, поспешил согласиться. А курьер, получив принципиальное согласие полевого командира на использование наемников, выбрался из палатки и отправился на поиски Блэка. Командира диверсантов он нашел в окрестностях лагеря. Блэк сидел на земле и армейским ножом выстригивал из срезанной с дерева ветки нечто, напоминающее детскую рогатку. Заказчик опустился на траву рядом с Блэком и, не глядя на него, спросил:

– Как вы смотрите на то, чтобы в ближайшее воскресенье продемонстрировать свое умение?

– Где? – вместо ответа спросил тот.

– На трассе Гудермес – Ханкала. Конкретное место можете выбрать сами.

Лезвием ножа Блэк снял с обрезанной ветки тонкую стружку и, повернувшись к заказчику, утвердительно кивнул.

* * *

Мать, увидев сделанную учительницей запись, не поверила своим глазам, а потом долго допытывалась у сына, что же в действительности произошло в школе. Но Боря молчал. Не мог же он вслух повторить прозвище, которым наградили его эти противные маменькины и папенькины сынки. Так и не добившись от сына ответа, мать ужасно расстроилась, а ночью даже тихо, чтобы не услышал спавший на соседней кровати сын, рыдала в подушку. Но Боря все слышал и от обиды и злости на своих обидчиков сжимал под одеялом свои маленькие кулачки.

Новое унижение он испытал уже на следующий день. Мать ученика, которому Боря накануне разбил губу, вечером явилась в школу и принялась допытываться у классного руководителя, кто «изувечил» ее сына. Получив от классной дамы ответ, она сначала грозила Боре тюрьмой и детской колонией, но, так и не услышав от него ни одного слова, набросилась на мать, которая в этот момент мыла пол в школьной раздевалке. И тогда Боря увидел, как его мать виновато и униженно оправдывается перед наступающей на нее чужой разъяренной мамашей. Боря не мог простить матери ее унижение и поклялся, что сам отомстит за нее. Прокравшись за выходящей из школы женщиной, прилюдно кричавшей на его мать, Боря увидел, как она вместе со своим сыночком направилась к новеньким «Жигулям» третьей модели. Усадив сына на заднее сиденье, женщина сама уселась за руль, после чего машина тут же уехала.

Известие о том, что мать новенького работает простой техничкой, а не заведует магазином, столовой или модной парикмахерской, мгновенно разнеслось по всей школе, и новые насмешки посыпались на Борю буквально со всех сторон. Иначе, как Моча, его в классе больше никто не называл. Боря перестал разговаривать с одноклассниками, стараясь делать вид, что не обращает внимания на их обидные слова, хотя у него внутри все буквально кипело от негодования. Но Боря молчал, выжидая удобного случая, чтобы отомстить обидчикам. И такой случай вскоре представился.

Узнав о предстоящем в школе родительском собрании, Боря назначил себе час долгожданной мести. Во время собрания он тайком пробрался к школе. В карманах его детской курточки лежала верная рогатка и десяток металлических шариков. Перед центральным входом лица выстроилось два десятка различных автомобилей, среди которых Боря без труда отыскал уже знакомую ему золотистую «тройку». Незаметно для прохожих Боря прокрался в кусты, росшие в десяти метрах от машины обидчицы его матери. Выбрав момент, когда на проложенной возле школы пешеходной дорожке не окажется ни одного человека, Боря за одну минуту выпустил по стеклам машины все десять пулек и незамеченный покинул свое убежище.

Сердце маленького мстителя радостно билось в груди, а в ушах стоял звон разлетающихся под его выстрелами автомобильных стекол. Боря торжествовал. И хотя его распирала гордость, у него хватило сообразительности не рассказывать матери о своем поступке. Но несмотря на его молчание, на третий день в их с матерью квартиру явились двое милиционеров. Один из них назвался районным участковым и поинтересовался, имеется ли у Бори рогатка.

– Что вы, откуда? – ответила мать, которая понятия не имела об увлечении своего сына.

Однако милиционеры ей не поверили и, с разрешения матери осмотрев Борину вещи, обнаружили в его ранце злополучную рогатку. Увидев, как нахмурились лица обоих милиционеров, Боря с ужасом представил, что может оказаться в той самой детской колонии, которой грозила ему чужая разгневанная мамаша.

Но положение спас Юрка, пришедший в этот момент в гости к своему приятелю. Увидев в квартире друга милиционеров и в их руках Борину рогатку, он сразу заявил, что сделал эту рогатку для своего приятеля и отдал ему только сегодня. Милиционеры недоверчиво переглянулись, но Юрка так убедительно рассказывал, как он выбирал для рогатки подходящую рогульку, как выпиливал ее и как мастерил тетиву из куска велосипедной камеры, что милиционеры в конце концов поверили ему и ушли, впрочем, прихватив Борину рогатку с собой.

На следующий день Боря явился в класс победителем. Радость одержанной победы настолько переполняла его, что в этот день он даже не замечал обычных насмешек своих одноклассников. Но такое поведение изгоя еще больше их разозлило. И после уроков четверо мальчишек из его класса подкараулили Борю возле школы и жестоко избили. Он сопротивлялся, как мог, но их было больше, к тому же все мальчишки были выше Бори и гораздо сильнее, а никого из учителей, которые могли бы остановить драку, поблизости не оказалось. В итоге Боря вернулся домой с расцарапанной щекой, подбитым глазом и в перепачканной грязью одежде.

Перед домом он вновь встретился с Юркой. Выслушав его рассказ о недавней драке, Юрка предложил:

– Давай мы с пацанами их так отметелим, что мало не покажется. Враз забудут, как к тебе приставать.

– Не надо, я сам, – решительно ответил Боря.

– С четырьмя? – недоверчиво переспросил Юрка.

– Да, – упрямо повторил Боря и направился к своему подъезду, внутренне готовясь к тяжелому разговору с матерью.

Мать, увидев, в каком виде вернулся домой ее сын, схватила за голову и в отчаянии застонала. Но сильнее подбитого глаза сына и его расцарапанной щеки ее расстроило его безнадежно испорченное пальто, на покупку которого она кое-как скопила деньги, откладывая их

с каждой зарплаты. Весь вечер она умоляла сына никогда больше не драться, а ночью вновь рыдала, уткнувшись лицом в подушку. Но доносящиеся с кровати матери приглушенные рыдания только подстегнули Борино желание снова и снова мстить своим обидчикам.

И он отомстил. Одному из избивавших его мальчишек он вылил в портфель банку чернил. У двух других изрезал в раздевалке их куртки бритвенным лезвием. А меховую шапку четвертого обидчика спустил в унитаз в школьном туалете, предварительно помочившись на нее. Борины обидчики не рассказали учителям об избиении своего одноклассника, поэтому те так и не смогли выяснить, кто испортил их вещи. Забияки же оставили Борю в покое, решив больше не связываться с Мочой, посчитав его психом.

Но совершенная месть не сделала жизнь Бори Молчанова легче и не избавила его от непрекращающихся оскорблений и насмешек. «Им просто мало досталось, – решил для себя Боря. – Ну так они получают еще».

Приняв такое решение, он принялся накачивать свои мышцы, делая гимнастику. Не от случая к случаю, как обычно поступают быстро меняющие свои увлечения дети, а ежедневно изнуряя себя до седьмого пота. Не имея лишних денег, мать не могла купить для сына гантели. Но во время очередного сбора металлолома Боря присмотрел в куче сваленного в школьном дворе ржавого железа две одинаковые чугунные отливки и утащил их домой вместо вождь-ленных гантелей. Каждый день он по два часа отжимался от пола, качал пресс, зацепившись ногами за край кровати, и делал упражнения с чугунными болванками, заменившими ему гантели. За два года занятий Борины грудь и плечи раздались, а когда он напрягал мышцы, они становились твердыми, как камень. Почувствовав в себе силу, на любое оскорбление он стал отвечать ударом, стараясь бить так, чтобы причинить своему обидчику максимальную боль. В школе его стали бояться, обидное прозвище Моча слышалось все реже, однако признания одноклассников Боря так и не добился. Но он не особенно переживал по этому поводу. В классе у него не было друзей, а к своему одиночеству он успел привыкнуть, и оно совершенно не тяготило его. Главным для Бориса было то, что одноклассники перестали его оскорблять. Он не догадывался, что за глаза они все так же называют его Мочой, вкладывая в это прозвище всю питаемую к нему злобу.

Глава 9

ШОССЕ ГУДЕРМЕС – ХАНКАЛА, 34-Й КМ

6.09, пятница, 17-30

Выставив перед собой штанги миноискателей, первыми вдоль обочин шоссе двигались саперы. Держась от них на безопасном расстоянии, следом за саперами шли автоматчики. Последним, замыкая группу прикрытия, шагал майор Кудрявцев. Правда, в данный момент на погонах его полевого кителя располагались не крупные майорские звезды, а две маленькие, расположенные друг за другом звездочки, соответствующие званию прапорщика. Еще сильнее «понижен» в звании оказался майор Снежин из контрразведки, идущий в группе автоматчиков, который ради конспирации надел форму старшего сержанта. Остальные четверо автоматчиков, как и двое саперов, имели свои настоящие звания. Они добросовестно отработывали поставленную перед ними задачу: провести поиск мин и фугасов на указанном участке автодороги и даже не догадывались, что их истинная роль заключается в том, чтобы дать возможность двум включенным в группу офицерам осмотреть подступы к трассе. Впрочем, солдаты и не подозревали, что прапорщик и сержант-сверхсрочник в действительности носят майорские звания и соответственно представляют ГРУ и военную контрразведку.

Отстав от основной группы автоматчиков, Снежин дождался, когда его догонит Кудрявцев, и заметил:

– Скоро начнет смеркаться. Не успеем.

– Успеем, – возразил Кудрявцев. – До базы осталось менее пяти километров. А ближе, чем за два километра, я бы на их месте не стал устраивать засаду.

– А где тогда? – не сумев справиться с волнением, дрогнувшим голосом спросил контрразведчик.

Со своей тонкой шеей, торчащей из ворота его полевого кителя, и в низко надвинутой на глаза каске он выглядел лет на десять моложе. Так что по возрасту вполне годился в солдаты-сверхсрочники.

– Например, здесь, – шепотом ответил на заданный вопрос офицер «Каскада» и, поднеся к глазам бинокль, осмотрелся по сторонам.

Вслед за ним Снежин тоже быстро оглянулся по сторонам, но не заметил никаких особенностей, выделяющих данный участок дороги от остального шоссе. Чувствуя, что он чего-то не понимает, контрразведчик не удержался и задал новый вопрос:

– Но почему здесь?

– А место очень удобное. При обстреле здесь некуда спрятаться: густой растительности возле обочины нет. А перед предстоящим поворотом машинам приходится снижать скорость, – доходчиво объяснил ему Кудрявцев.

– Но здесь же совершенно негде укрыться диверсантам, – Снежин вторично обвел взглядом голый склон подступающего к дороге холма, покрытого редкой и чахлой травой.

– Те, кто нам нужен, сумеют...

Евгений не договорил. Его зрение зафиксировало, как друг за другом согнулись и вновь распрямились травяные стебли, задетые скатившимся по склону камнем. Евгений быстро скользнул взглядом по склону в направлении, противоположном движению скатившегося камня, но ничего подозрительного не заметил. Хуже всего было то, что он не заметил, откуда сорвался камень. Логика подсказывала, что сам по себе камень сорваться не мог, его кто-то или что-то толкнуло. Поэтому Кудрявцев упрямо искал взглядом причину падения, искал и не находил.

«Столкнуть камень могла и обыкновенная полевая мышь. А могла и не мышь, – тут же возразил себе Евгений. – Так что, подняться вверх и как следует осмотреть холм? Если на склоне притаился наблюдатель, я его найду. Не обязательно. Он может успеть незаметно уползти или обстрелять меня. Но даже если я его возьму, что это даст? Необходимо взять всю диверсионную группу, а не одного диверсанта, задача которого, возможно, ограничивается простым наблюдением. Если же отправленный к трассе разведчик не вернется, командир диверсионной группы, скорее всего, откажется от плана атаки колонны». Кудрявцев бросил взгляд на саперов и прикрывающих их автоматчиков, которые, не заметив его остановки, ушли далеко вперед, и, опустив свой бинокль, бодро зашагал следом за ними. Но в мозгу офицера военной разведки продолжала биться мысль: верно ли он поступил. Уже догнав автоматчиков, Кудрявцев почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд, но, быстро оглянувшись, встретился взглядом с майором Снежиным. Если бы Евгений знал, что за ним следит не только Снежин, он, возможно, изменил бы принятое решение и попытался взять замаскировавшегося наблюдателя...

Наблюдателей было двое. В мешковатых маскировочных комбинезонах «хамелеон», изобилующих торчащими во все стороны синтетическими лоскутками и раскрашенными под цвет травы концами лески, они лежали на склоне, неотличимые от поросших жухлой травой каменистых выступов. Наблюдатель, неосторожно столкнувшийся вниз мелкий камешек, сейчас лежал совершенно неподвижно, плотно прижимая к земле накрытую маскировочным капюшоном голову. Но второй, несмотря на очевидный риск быть замеченным, все же повернул за идущим по шоссе прапорщиком окуляры своего бинокля. В следующую секунду он понял, что сделал это напрасно – прапорщик оглянулся. Блэк тут же ткнулся лицом в песок, накрыв голову и бинокль капюшоном и молясь про себя, чтобы прапорщик не заметил его неосторожно брошенного взгляда.

Рядом с Блэком, на расстоянии вытянутой руки, лежал Слон. Слон получил свою кличку не за неуклюжесть (хотя именно он столкнул камень, привлекая внимание не в меру наблюдательного прапорщика), а за огромную силу, которой он обладал. В боевом расчете диверсионной группы Слон был пулеметчиком, с одинаковой ловкостью управляющимся как с ручным, так и с крупнокалиберным станковым пулеметом. Благодаря своей природной силе и недюжинной выносливости Слон мог в одиночку нести на себе крупнокалиберный пулемет вместе со станком. При выборе места для засады Блэк обычно брал Слона с собой, чтобы тот заранее присмотрел для себя оптимальную огневую позицию, наметил ориентиры и выбрал сектор обстрела. Они уже провели рекогносцировку и могли спокойно уйти, но Блэк, решив понаблюдать за появившейся на дороге группой саперов, приказал оставаться на месте. И все было бы в порядке, если бы Слон не столкнул этот чертов камень!

Не имея возможности следить за идущими по дороге бойцами, оба диверсанта обратились в слух. Но вокруг не шелестела трава, не осыпался песок и мелкие камни, вылетающие из-под ног взбирающегося на склон человека. У Блэка отлегло от сердца: «Значит, прапор ничего не заметил. Но ведь он обернулся! – тут же укорил себя диверсант. – Ну заметил, так не обратил внимания. А если и обратил, то не захотел рисковать». Выждав еще несколько секунд, командир диверсионной группы позволил себе поднять голову. Саперы и охраняющие их автоматчики ушли по шоссе далеко вперед, и Блэк с удовлетворением для себя отметил, что так не понравившийся ему прапорщик тоже был с ними.

Блэк не мог объяснить себе, почему замыкающий боевое охранение прапорщик вызвал у него беспричинный страх. Пока тот находился перед его глазами, диверсант ясно ощущал исходящую от прапорщика опасность. Обычный прапорщик, но что-то в нем было не так. Блэк попытался сосредоточиться и вспомнить, что в поведении прапорщика его насторожило: «Шел неторопливо, даже слишком неторопливо. Нет! Он шел медленно, постоянно отставая от саперов. Чересчур внимательно смотрел по сторонам? Кто его разберет, внимательно он смотрел

или нет. Но смотрел он долго, даже слишком долго. Словно не засаду искал, а пытался что-то найти. Что найти? – Не найдя ответа на последний вопрос, диверсант переключился на внешность прапорщика. – Высок, подтянут, никакого живота, даже ни капли лишнего жира. Сразу видно, не тыловая крыса, а боец, возможно, спецназовец. Ну и что? Не все же прапора кладовщиками заделались, есть те, что и в спецназе служат. Оружие: автомат и «стечкин» в открытой кобуре. Не многовато ли? Трусоват, вот и обвешался пушками, как новогодняя елка... – Блэк поймал себя на мысли, что помимо автомата или гранатомета и сам всегда берет на операции двадцатизарядный «стечкин» в точно такой же открытой кобуре. – Стоп! А ведь пистолет у него не «стечкин», – неожиданно сообразил диверсант. – Хотя рукоятка похожа, но ствол короче, вот он и не выставлялся из кобуры». И хотя группа российских солдат вместе с подозрительным прапорщиком уже скрылась за поворотом шоссе, по телу диверсанта пробежал неприятный холодок. Почему-то именно неизвестный пистолет заставил его волноваться больше всего. И еще Блэк поймал себя на мысли, что не хочет участвовать в нападении на так удачно подвернувшуюся автоколонну. Чувство оказалось новым. Прежде он никогда не отказывался от своих планов.

* * *

Учеба в лицее отнимала у Бори куда больше времени и сил, чем в его прежней школе. К тому же он во всем старался превзойти своих одноклассников, чтобы доказать, что он лучше их. Он стал все реже участвовать в дворовых играх и забавах своих прежних приятелей, проводя время за учебниками или в гимнастических упражнениях, которые не забросил, даже став самым сильным в классе. В старших классах он почти перестал выходить во двор, стал сторониться дворовых компаний, что сейчас же вызвало злость и обиду соседских подростков. Но Боре было наплевать на их изменившееся отношение. Он упорно доказывал свое право называться лучшим и жалел тратить собственное время на пустые и никчемные разговоры с прежними приятелями. Компенсируя недостаток общения со сверстниками, Боря иногда встречался с Юркой, который уже успел закончить школу, работал механиком на автобазе и весной должен был уйти в армию.

Правда, перед армией у Юрки появились другие увлечения. Как-то раз Боря увидел друга в компании с рыжеволосой девушкой, хотел подойти, но Юрка, увидев направляющегося к нему соседа, повернулся к нему боком и из-за спины показал Боре кулак. При этом он не заметил, каким мстительным огнем вспыхнули глаза Бори. Его лучший друг променял его на какую-то девчонку, к тому же рыжую! Не стерпев такой обиды, Боря поклялся себе никогда больше не встречаться с Юркой. Клятва оказалась совершенно напрасной, через полтора месяца Юрку забрали в армию. Боря тогда заканчивал восьмой класс.

В девятом и особенно в десятом классе ненавистные Боре одноклассники то и дело заводили между собой разговоры о том, чем они займутся после окончания школы. Боря в их разговорах участия не принимал, но к словам прислушивался. Сделанный им для себя вывод оказался неутешительным: без протекции и блата в жизни не устроиться. У него не было ни того, ни другого, что, по мнению Бори, начисто лишало его возможности поступить в престижный вуз или устроиться на высокооплачиваемую работу, в отличие от его бездарных и ленивых, но имеющих пробивных родителей одноклассников. За те годы, что Боря проучился в лицее, перед его глазами прошла масса примеров, полностью подтверждавших сделанный им для себя неутешительный вывод. Неисправимые лентяи и двоечники совершенно неожиданно получали высокие годовые оценки, и все из-за того, что их родители задаривали учителей и классного руководителя дорогими подарками. Боря видел это собственными глазами, потому что родители лодырей, притаскивающие в школу запечатанные коробки и пакеты, даже не стеснялись детей.

Боре же, чтобы получать высокие оценки, приходилось рассчитывать только на себя, так как его мать при всем желании не могла сделать учителям хотя бы приблизительный по стоимости подарок. К тому же от непосильного труда на двух работах в последнее время она стала часто болеть. И он старался, старался изо всех сил. Все выпускные экзамены Боря Молчанов сдал на «отлично», но долгожданной золотой и даже серебряной медали так и не получил. Припомнив устраиваемые Борей драки, классный руководитель выразила свою неприязнь к сыну технички, выставив ему в аттестат удовлетворительную оценку за поведение. И на выпускном собрании Боря, стиснув зубы, с горящими завистью и ненавистью глазами наблюдал, как золотые и серебряные медали получают те, кто по уровню знаний ему и в подметки не годился. Открывающаяся за порогом школы взрослая жизнь заранее вычеркивала очередного неудачника. Но Боря Молчанов не желал быть неудачником. За семнадцать лет он уже вдоволь насмотрелся на нищую и убогую жизнь своей матери, таких же, как она, соседей по дому, по двору и по всему микрорайону, расположенному по соседству с городской свалкой. Теперь он точно знал, что эта жизнь была убогой, и не хотел ее для себя. Нет, он не пополнит армию серых, забитых и безропотных! Он сам вырвет у жизни то счастье, которое она приготовила для дураков и лентяев, чувствующих себя как за каменной стеной за спинами обеспеченных родителей.

Сразу после выпускного собрания Боря подбежал к школьному военруку.

– Я хочу поступать в военное училище! – с ходу объявил он.

– Молодец! – Обрадованный военрук хлопнул выпускника по плечу.

Военкоматы требовали от школ выполнения спущенного плана по направлению учеников в военные училища, а среди выпускников городского лицея уже давно не встречались желающие связать свою жизнь с армией. И вдруг неожиданная удача. Так что у военрука были все основания для радости.

– А в какое училище ты собрался поступать? – живо поинтересовался он.

«Что значит в какое?! Конечно, в самое лучшее!» – чуть не выпалил Боря. Но спустя мгновение он сообразил, что такой ответ вряд ли устроит военрука. Требовалось назвать что-то более конкретное. Юноша попытался вспомнить, какое из военных училищ считается самым престижным. И когда в голове всплыло известное название, ответил:

– В Рязанское парашютно-десантное!

– Гм, а поступишь? – с сомнением в голосе спросил военрук.

– Поступлю! – твердо ответил Боря.

При этом в глазах юноши появилась такая решимость, что военрук, мысленно пристыдив себя за сомнения, поспешил успокоить Борю:

– Будешь стараться, обязательно поступишь. А мы со своей стороны подготовим все необходимые документы.

По дороге домой Боря встретил Юрку. Тот только несколько дней назад вернулся из армии, о чем Боря и не подозревал. От неожиданности он забыл данную себе два года назад клятву никогда не разговаривать с Юркой и вполне искренне поздоровался со своим старшим товарищем.

– А, это ты, – Юрка поднял на него пустые глаза и, так и не сказав ни слова, прошел мимо.

– Пижон, – процедил сквозь зубы Боря, проводив Юрку презрительным взглядом, и поспешил домой, чтобы объявить матери о своем решении поступать в военное училище.

Мать, вопреки его ожиданиям, не обрадовалась такому известию.

– А как же я, Боренька? – по-простому спросила она. – Я ведь уже старенькая, болею часто. Думала, ты на старости лет со мной будешь, поможешь, если что. А ты, значит, меня бросить надумал, – добавила мать и тяжело вздохнула.

– Что за глупости?! И не думал я тебя бросать! – Боря даже обиделся: «И придет же такое в голову. Совсем мать из ума выжила».

На его решение состоявшийся разговор с матерью никак не повлиял. Оставив тяжело вздыхающую мать, Боря подошел к шкафу, где висел его единственный костюм, который он собирался надеть на выпускной вечер. Никакого желания еще раз увидеться с одноклассниками, которые его дразнили и которых он за это ненавидел, у Бори не было. Но он твердо решил идти на вечер, чтобы показать всем маменькиным сынкам и дочкам, что плюет на них. А если представится случай, он прямо там, на выпускном вечере, уделает любого, кто вздумает над ним насмехаться. С этими мыслями Боря достал из шкафа костюм и примерил его. Костюм, купленный матерью два года назад на откладываемые с зарплаты деньги, оказался безнадежно мал, несмотря на то что покупался на вырост. Раздавленная грудь и накачанные мышцы не позволяли даже застегнуть пиджак, а из узких рукавов смешно торчали его крепкие руки. К тому же пиджак нестерпимо давил в плечах, грозясь каждую секунду лопнуть по шву. Боря чуть не зарычал от досады, увидев себя в зеркале. Выход подсказала мать, предложив одолжить костюм у его товарища Юры. Вместе с сыном она поднялась в квартиру Юры и позвонила в дверь. Самого Юры дома не оказалось, но его мать Клавдия Николаевна охотно согласилась помочь и, покопавшись в вещах сына, выдала Боре вполне приличный Юрин костюм. Костюм был уже не новый, но на Бориной фигуре смотрелся отлично. Пока Боря примерял обновку и рассматривал себя в зеркале, женщины разговорились. Из их разговора Боря узнал, что Юрина девушка, с которой он встречался перед армией и даже собирался на ней жениться, его не дождалась и сейчас встречается с другим. Из-за чего Юра очень переживает, почти ничего не ест, никак не может простить девушке измену. «Тоже мне проблема, девчонка не дождалась, – усмехнулся про себя Боря. – И чтобы из-за этого убиваться?!» В его ожесточенном злобой сердце не было места любви, и он не знал, что это такое.

Выпускной вечер прошел на удивление скучно. Никто не лез к Боре с оскорблениями и насмешками, никто не пытался поддеть его язвительной шуточкой. Одноклассники попросту избегали его. Он сам провоцировал их на оскорбления, специально подходил близко и даже сознательно наступил одному из одноклассников на ногу. Но драки, которую старался завязать Боря, так и не получилось. Едва он оказывался рядом, другие выпускники сейчас же отходили в сторону, оставляя его одного. «Не подпускаете к себе, твари, – твердил он про себя, обводя взглядом отходящих при его приближении одноклассников. – Но я все равно прорвусь! Обязательно прорвусь!» Куда и как он собирается прорваться, Боря при этом не конкретизировал. Да его мысли и не заходили так далеко.

Возвращался он домой не под утро, как прочие выпускники, отправившиеся гулять после выпускного вечера, а ночью. В пустом дворе, на погруженной в темноту детской площадке слушала бренчание гитары и заунывные блатные песни группа подростков. Когда Боря проходил мимо, пение внезапно смолкло и чей-то грубый голос окликнул:

– Эй ты, фраер, кто такой?!

Боре впервые услышал такое обращение. Тем не менее он остановился, но ответить не успел.

– Это Борька Молчанов из лица, – ответил за него один из подростков. – Раньше он нормальным пацаном был, а сейчас крутым стал.

– Крутым, говоришь? – своим грубым голосом переспросил обладатель расстроенной гитары. – Сейчас посмотрим, какой он крутой. А ну-ка, тащите его сюда.

Двое подростков бросились к Боре. Тот подождал, когда они приблизятся на достаточное расстояние, и двумя мощными ударами сбил обоих подростков с ног. Если бы после этого он бросился бежать, никто из дворовой компании его бы уже не догнал. Но бегство Боря считал проявлением трусости, поэтому он никуда не побежал, а сам подошел к детской площадке. Смелый Борин поступок произвел на ребят впечатление, они расступились перед ним, освобождая дорогу. Только обладатель гитары и грубого голоса как сидел, так и остался сидеть на своем месте. Подойдя ближе, Боря узнал парня с гитарой. Он был старше Бори на четыре

года, жил с ним в одном дворе, за кражу или еще за что-то получил срок, отбыл три года на зоне, а несколько месяцев назад вернулся и сразу же возглавил дворовую команду подростков. Авторитет у бывшего зэка был непререкаемым, и окрестные мальчишки и девчонки-подростки толпой ходили за ним, а по вечерам слушали его рассказы о зоне или блатные песни.

– Ты за что же корешей моих обидел? – поинтересовался у Бори парень с гитарой и указал взглядом на ребят, которые кое-как поднялись с земли.

– А чтоб не лезли! – глядя парню в глаза, ответил Боря.

– Нехорошо, – объявил бывший зэк, пропустив мимо ушей его ответ. – Я своих корешей в обиду не даю, и тебе за грубость передо мной ответить придется, – отложив в сторону гитару, парень поднялся со скамейки.

Боря смерил его оценивающим взглядом. Парень был на полголовы выше его, но уже в плечах, под его рубашкой не бугрились накачанные мышцы, и Боря решил, что в драке его одолеет. Возможно, так бы и случилось, если бы драка была честной. Но едва Боря поднял кулаки, готовясь отразить нападение своего противника, как тот швырнул ему в лицо пригоршню песка, заранее набранную из детской песочницы. Боря схватился руками за глаза, и в этот момент его противник что есть силы ударил юношу ботинком в пах. От внезапной боли Боря согнулся пополам. Бывший зэк стремительно подскочил к нему, ухватил рукой за волосы, а коленом ударил в лицо. Все поплыло у Бори перед глазами, и, потеряв равновесие, он ничком свалился на землю. Победитель с усмешкой взглянул на своего поверженного противника, обвел стоящих кольцом подростков торжествующим взглядом, а потом расстегнул ширинку, и на Борину макушку полилась струя теплой мочи.

Когда юноша очнулся, подростков и их блатного жоака на детской площадке уже не было. Боря потрогал рукой свои отчего-то мокрые волосы, понюхал ладонь и все понял. А когда понял, из его глаз покатились горькие слезы стыда и обиды.

– Отомщу! Так отомщу, кровью умоется! – рычал он, размазывая по грязному лицу текущие из глаз слезы.

Потом он долго мыл голову на колонке, подставив ее под тугую струю холодной воды, и, лишь убедившись, что его волосы больше ничем не пахнут, вернулся домой. На вопросы матери о его испачканном костюме Боря ответил, что упал по дороге домой, и тут же заверил мать, что сам почистит костюм и лично отнесет его Юре или Клавдии Николаевне. Он так и сделал, причем старался на совесть, так что Клавдия Николаевна (Юрки опять не было дома) не заметила на возвращенном Борей костюме никаких следов грязи.

Старательность и граничащее с упрямством упорство всегда были отличительными чертами Бориса Молчанова. С тем же старанием он взялся за реализацию плана задуманной мести. Один раз он уже воспользовался опробованным оружием, обстреляв из рогатки машину родителей своего одноклассника. Но для исполнения задуманного рогатка явно не подходила. В этот раз ему требовалось оружие посерьезнее. Выждав момент, когда матери не было дома, Боря зашел на кухню и тщательно перебрал все хранящиеся в посудном ящике ножи. Ножи были старые. От долгого использования и многократных заточек их лезвия истончились. Придирчиво осмотрев их, Боря решил, что ни один не годится для серьезного дела. Ближайший хозяйственный магазин находился всего в одном квартале от его дома, и Боря отправился туда. Но в магазине на удивление оказалось очень мало народу. И Боре показалось, что все продавцы смотрят только на него. Так ничего и не купив, он вышел. Сердце учащенно стучало в его груди. «Нет, лучше сделать это в большом магазине», – сказал себе мститель. ЦУМ находился совсем в другой части города, но Боря не пожалел времени и через двадцать минут езды в грязном и пропахшем бензином автобусе вышел на центральной площади, где располагался городской универмаг. В магазине Боря отыскал отдел скобяных товаров и остановился перед прилавком.

– Вам что-нибудь показать?

Вздрыгнув от неожиданности, Боря поднял голову. На него смотрела молодая девушка-продавщица.

– Нет, – он отрицательно мотнул головой и поспешно вышел из магазина.

«И эта туда же, – с ненавистью думал Борис, бредя обратно к автобусной остановке. – Что она устави́лась на меня?! И ведь как пялилась!» После второго неудачного захода в магазин Борис отказался от идеи покупки ножа. В мрачных раздумьях он бродил по городу, пока, случайно подняв глаза, не обнаружил, что стоит перед воротами автобазы, куда вновь устроился на работу возвратившийся из армии Юрка. Ворота оказались открыты, и Борис решительно вошел на территорию гаража. В тот момент он и сам не мог объяснить, зачем это сделал. Шел мимо и зашел. Юрка оказался на своем месте, в ремонтном боксе. Спустившись в смотровую яму, он возился под днищем загнанного в ремонтный бокс грузовика. На полу бокса, возле смотровой ямы, стоял ящик со слесарным инструментом. Борис присел возле инструментального ящика и уже собирался окликнуть не замечавшего его Юрку, но в этот момент взгляд юноши упал на торчащую из ящика длинную отвертку с черной эбонитовой ручкой. Рукоятка удобно легла в ладонь. И Боря понял, что нашел то, что ему было нужно. Прихватив вместе с отверткой еще и слесарный напильник, он вышел из ремонтного бокса, а затем выбрался и с территории автобазы. Встретившиеся по пути водители и даже скучающий возле въездных ворот вахтер не обратили на юношу внимания, как не заметили и вынесенных им отвертки и напильника, которые он предусмотрительно спрятал в рукаве рубашки.

В тот же день он заточил отвертку напильником, превратив ее сплюсненный с двух сторон шлиц в остроконечное жало. Переделанную в шило отвертку Борис вновь спрятал в рукаве рубашки, а чтобы она не выскользнула оттуда, приклеил к локтю куском лейкопластыря и отправился разыскивать своего обидчика. Вожак дворовой компании и не думал отсиживаться дома. Большую часть времени он проводил на улице в окружении смотрящих ему в рот мальчишек. Униженного юнца он не боялся, не относя его к числу своих врагов, так как понятия не имел, что Борис Молчанов никогда не прощает обид.

Борис нашел обидчика в небольшой, изрядно замусоренной рощице, что начиналась сразу за гаражным кооперативом, расположенным в десяти минутах ходьбы от Бориного дома. В окружении своей стаи вожак вновь тянул под гитару блатные песни, изредка прерываясь на то, чтобы хлебнуть водки или пива из услужливо протягиваемой бутылки. Приготовившись ждать, когда подростки разойдутся и обидчик окажется один, Борис расположился вдалеке за деревьями. Но подростки не расходились. Вдоволь наслушавшись рассказов про зону и однообразных блатных песен, вся компания во главе с вожаком двинулась обратно в город. Борис понял, что сегодня у него ничего не получится, и на следующий день с утра пораньше, благо больше не нужно было ходить в лицей, вновь отправился на поиски.

Потеряв счет времени, он блуждал по соседним дворам и улицам, всматриваясь в лица прохожих, и в конце концов увидел своего обидчика. На этот раз он был без своей свиты. Под руку с парнем шла стройная рыжеволосая девушка в плотно облегающей тело темно-красной футболке и короткой джинсовой юбке. Девушка, вернее, ее медно-рыжие волосы показались Борису смутно знакомыми, но он тут же забыл об этом, всецело сосредоточившись на ее спутнике. Он понятия не имел о слежке, поэтому буравил взглядом спину парня, но тот настолько был занят своей подружкой, что не замечал идущего за ними подростка. Пара свернула за гаражи и направилась в ту же рощу. Только на этот раз парень не остановился на поляне, а утянул подружку в соседние кусты. Крадущийся за парнем Борис был так взволнован, что даже не сообразил, для чего тому это понадобилось. Прежде чем выйти на поляну, он остановился за деревом, чтобы собраться и успокоить бешено колотящееся в груди сердце. Как ни странно, это ему удалось. Почувствовав себя более-менее спокойным, Боря оторвал кусок лейкопластыря, и приклеенное к локтю шило скользнуло в подставленную ладонь. Борис вышел из-за дерева и ступил на поляну. Едва он сделал несколько шагов, как не замеченная им сухая ветка преда-

тельски хрустнула под ногой. Шевеление за кустами сразу прекратилось, затем ветки раздвинулись и на поляну вышел Борин обидчик. Он был без рубашки, в одних джинсах, с пояса которых свисал расстегнутый ремень.

Парень не заметил шила в руке Бори, так как тот поспешно спрятал руку за спину. Но что-то в его глазах подсказало недавнему эку, что в этот момент с подростком лучше не связываться. Однако парень все еще находился под впечатлением своей легкой победы над лицом. К тому же в кустах его ждала разгоряченная любовной страстью подружка, перед которой он никак не мог показать свою трусость. Поэтому, стараясь, чтобы его голос звучал грозно, он произнес:

– А ну вали отсюда, отсос, пока...

Что произойдет в противном случае, парень так и не успел произнести. Увидев его пышущий злобой взгляд и едва услышав первые произнесенные слова, Боря вонзил шило в грудь своему обидчику. Новичкам обычно везет. В какой-то мере повезло и Боре. Острие его шила вошло точно в сердце.

Оборвав на полуслове свою незаконченную фразу, тот соскользнул с острия и опрокинулся на спину. Из его рта больше не вырвалось ни звука, но лесную тишину тем не менее разорвал чей-то истерический крик. В первое мгновение Борис не мог понять, кто кричит, но в следующую секунду догадался, что звук идет из кустов на краю поляны, и бросился туда. Там оказалась рыжеволосая подружка обидчика. Она сидела на траве и, как и ее парень, была обнажена до пояса. Ее наспех снятая футболка вместе с комком кружевных трусиков лежала рядом с ней. Но девушка даже не замечала своей наготы и, не пытаясь прикрыть тугие молочные груди с темными кружками сосков, продолжала кричать. Борис бросился к ней, попытавшись зажать девушке рот своей ладонью. Но та отпрянула назад, и Борины пальцы сомкнулись на ее горле. Он сжал руку, но это не помогло. Девушка продолжала все так же кричать, лишь ее пронзительный крик стал чуть глуше. И тогда Борис ударил девушку шилом, которое по-прежнему сжимал в правой руке. Крик не оборвался. Борис даже удивился, почему этого не произошло. Как только он воткнул шило в грудь парню, то сразу затих, а его подружка отчего-то продолжала кричать. Борис выдернул шило из тела девушки и нанес ей новый удар. Но она все равно кричала. «Да замолчишь же ты наконец?!» – с ненавистью к девушке, которая никак не желала понять, что от нее требуется, и заткнуться, мысленно воскликнул Боря и принялся наносить ей новые и новые удары.

Борис уже ничего не соображал, продолжая вонзать стальное жало в распростертое под ним мягкое податливое тело. Он опомнился только тогда, когда залитая кровью эбонитовая рукоятка выскользнула из пальцев, а шило отлетело куда-то в сторону. Борис медленно опустил свою пустую руку, вновь готовясь услышать крик лежащей под ним девушки. Но она уже не кричала, а лишь смотрела в сторону своими остановившимися глазами. Борис проследил за направлением ее взгляда, но ничего примечательного в той стороне не заметил. Отпустив наконец замолчавшую девушку, он устало поднялся на ноги. Девушка осталась лежать в прежней позе. Борис с удивлением взглянул на нее и лишь тогда обнаружил, что весь ее левый бок от плеча до пояса залит кровью. В крови оказались также Борина рубашка и ладонь его правой руки. Лишь тогда он наконец понял, что произошло. Но при этом почувствовал вовсе не жалость к растерзанной им девушке, а злость от того, что из-за нее испачкал совсем новую рубашку, подаренную ему матерью на окончание школы. «Вот дура! Надо же было так орать», – со злостью думал Борис, шагая через лес к протекающему по роце заболоченному ручью. В ручье он кое-как смыл кровь со своей рубашки и, просушив ее на солнце, вернулся домой. Уже дома Борис вдруг вспомнил о шиле, которое потерял там же, на поляне. Он не забыл милиционеров, обнаруживших у него рогатку, поэтому, недолго думая, вновь отправился в рошу. Но было уже поздно. Подходя к лесу, Борис увидел стоящий у опушки милицейский «уазик»,

а возле него скучающего водителя. В лес он не пошел, а вместо этого свернул по тропинке к воротам автокооператива и, обойдя гаражный кооператив с другой стороны, вернулся домой.

Мысль о том, что в квартиру вот-вот явятся милиционеры с наручниками, не давала Борису покоя. Но вместе с этой ужасной мыслью присутствовала и надежда, что он все же успеет уехать из города до того, как милиции все станет известно. Промучившись всю ночь без сна, на следующее утро Борис отправился в районный военкомат. Разговор с военкомом отнюдь не добавил ему настроения.

– Ты, конечно, молодец, что собрался стать десантником, – объявил юноше военком. – Правда, в этом году с подачей документов ты уже опоздал. Но если не передумаешь, сможешь поступить на следующий год. А пока устройся на работу, запишись в ДОСААФ. При поступлении в училище все поможет.

Выйдя из военкомата, Борис долго слонялся по городу. Возвращаться домой было страшно. Ему казалось, что если его вздумают арестовать, то это случится обязательно в квартире. Однако к вечеру он все же вернулся. Там его ждало еще одно известие.

– Какое горе, Боренька! – мать со слезами бросилась сыну на шею. – Юру арестовали. Говорят, за убийство. Будто бы он девушку свою бывшую убил за то, что она его бросила, и ее нового парня.

– Девушку за то, что бросила? – переспросил у матери Борис. – Чушь! За это не убивают.

«Вот если бы оскорбила, обидела...» – мысленно продолжал рассуждать он. И вдруг внезапно вспомнил, где он видел эти медно-рыжие волосы: два года назад, когда встретил Юрку в компании с девушкой. У Юркиной подружки тоже были рыжие волосы, как у той, на поляне. Боря не помнил лица Юркиной подруги, но и без этой детали он со всей ясностью понял, что и два года назад, и вчера на поляне видел одну и ту же девушку. «Значит, она была дрянью, раз променяла Юрку на того уроды», – тут же нашел Боря для себя спасительную формулировку. Жалости к своим жертвам он не испытывал. Единственно, кого ему было жаль, так это Юрку, которого обвиняли в убийстве своей бывшей подруги. Но в отличие от матери, Борис не так уж переживал за своего соседа. «Ничего с Юркой не случится, разберутся и выпустят», – рассуждал он. Хотя нет-нет да и просачивалась в его голову мыслишка: а лучше бы не разобрались.

Следуя указанию военкома, он поступил на работу и записался в ДОСААФ. Ближайшим к дому предприятием оказалась автобаза, где до этого работал Юрка, и Борис устроился туда помощником автослесаря. От работников автобазы он узнал, что переделанная в шило отвертка, которую милиция обнаружила в роще на месте убийства, принадлежала Юрке. И хотя слесари и большинство водителей жалели Юрку, называя его дураком, загубившим свою жизнь из-за девчонки, в его виновности никто не сомневался. Не усомнился в его виновности и суд, который состоялся через три месяца после убийства. Процесс был открытый, и многие работники автобазы на нем присутствовали. Вместе с матерью пришел и Борис. За время следствия его ни разу не допрашивали, и он постепенно перестал бояться разоблачения, но идти в суд ему все же было страшновато. Но он пересилил себя. На процессе он и узнал, на чем основывались выдвинутые против Юрки обвинения. Мотивом убийства была названа ревность, а доказательствами – отсутствие у Юрки твердого алиби и обнаруженное на месте преступления орудие убийства – переделанная в шило слесарная отвертка, выданная Юрке вместе с прочими инструментами на автобазе. И хотя эксперты не смогли снять с рукоятки отвертки отпечатки пальцев убийцы из-за налипших на нее частиц земли и опавшей хвои, но кладовщик автобазы, работающие вместе с Юркой слесари опознали отвертку. Да и сам Юрка признал ее своей. По совокупности представленных улик Юрка был признан виновным в совершении заранее подготовленного убийства, осуществленного с особой жестокостью, как специально подчеркнул прокурор, сославшись на заключение экспертов, насчитавших на теле погибшей девушки двадцать пять колотых ран. Не найдя для обвиняемого смягчающих обстоятельств, суд приговорил Юрку с исключительной мере наказания – смертной казни. Когда судья зачитал приговор,

Юрка в отчаянии заплакал и обессиленно опустился на скамью, а его мать упала в обморок. Борис же выслушал приговор со смешанным чувством. Ему было искренне жаль своего друга, но желание сказать правду так и не возникло в его душе. «Будет еще Верховный суд, еще разберутся», – успокаивал себя Борис, возвращаясь после процесса домой.

За работой и занятиями в ДОСААФ он постепенно забыл про своего бывшего приятеля. На автобазе Борис выучился водить грузовик, сдал на права, в аэроклубе ДОСААФ освоил прыжки с парашютом, с удовольствием посещал тир, тренируясь в стрельбе из малокалиберной винтовки, не раз заходил в военкомат, чтобы напомнить о себе военкому. В один из дней, вернувшись домой после работы, занятий в ДОСААФ в этот день не было, Боря обнаружил в гостях у матери Клавдию Николаевну. Обе женщины сидели на кухне и безутешно рыдали. На кухонном столе между ними лежала какая-то бумага, похожая на телеграфный бланк. Борис бы не обратил на бумагу внимания, но, когда он вошел на кухню, чтобы поздороваться, Юркина мать внезапно прошептала:

– Нет больше моего Юрочки.

Боря резко обернулся. Его взгляд скользнул по безутешному лицу женщины и остановился на кухонном столе. Листок бумаги, который он ошибочно принял за бланк телеграммы, оказался извещением о том, что вынесенный Юрке приговор приведен в исполнение. «Значит, такая его судьба», – сказал себе Борис, прочитав текст извещения. Недрогнувшей рукой он налил из стоящего на кухне кувшина в стакан воды, протянул стакан Юркиной матери и, оставив женщин одних, вышел из кухни.

Глава 10

ПОЛЕВОЙ ЛАГЕРЬ БОЕВИКОВ, 17 КМ ЮЖНЕЕ ШАЛИ

7.09, суббота, 19-45

В палатке было душно и пахло потными человеческими телами. От духоты и спертого воздуха лицо Блэка под тканью шерстяной маски тоже покрылось потом. Он брезгливо поморщился и придвинулся ближе к брезентовой стенке, через которую, при определенном старании, можно было втянуть носом чистый лесной воздух. Назвавшийся Мухаммедом заказчик заметил перемещение командира диверсантов и, встретившись с ним взглядом, улыбнулся кончиками губ и сочувственно покачал головой. При этом выражение его лица ясно говорило: все понимаю, но поделаться ничего не могу. Сам хозяин палатки Ильяс Бисламов и его первый помощник Муса Динаев, считавшийся в отряде Бисламова начальником штаба, ничего не заметили. Они были заняты шашлыком. Блюдо с кусками еще дымящегося мяса всего несколько минут назад внес в палатку повар-телохранитель Ахмед и поставил на край застеленного картой топчана. Блэк загреб пятерней с блюда сразу несколько кусков еще горячего мяса и, закатав нижний край маски на переносицу, принялся смачно жевать свежеприготовленный шашлык. Взглянув на него, заказчик вновь улыбнулся, но на этот раз, как показалось Блэку, одобрительно.

Проглотив очередной кусок разжеванного мяса, Бисламов облизал пальцы, выдернул из ножен свой неразлучный чеченский кинжал и, безошибочно ткнув его острием в карту, произнес:

– Итак, решено: мы встретим колонну вот здесь.

Его начштаба лишь кивнул, так как его рот был занят шашлыком. Блэк и Мухаммед вообще воздержались от комментариев. Восприняв общее молчание как знак согласия, полевой командир продолжал:

– Колонна из Гудермеса выйдет около одиннадцати, возможно, как все делается у русских, с некоторым опозданием. Наши люди, – Бисламов повернулся к присутствующему на совещании зарубежному гостю, – займут позиции в десять. Час, два, – он загнул два пальца на правой руке. – Примерно в двенадцать колонна будет проходить мимо нашей засады, и тогда мы ударим по ней! – С этими словами Бисламов ударил по карте кулаком в том месте, куда до этого указывал острием своего кинжала. – И будем бить собровцев, пока не уничтожим их всех до единого! Вот такой мой план! – торжественно закончил он и вновь перевел взгляд на иностранного курьера.

Но лицо Мухаммеда осталось бесстрастным, скорее даже недовольным. Пока чеченский полевой командир искал объяснение странной, по его мнению, реакции гостя, заговорил командир наемников:

– Как я понял, вы решили сами напасть на колонну, не посоветовавшись со мной?

Для себя Блэк решил, что не будет атаковать гудермесскую автоколонну. Он принял такое решение после того, как вдумчиво проанализировал все, что произошло на дороге. Прапорщик, возглавлявший боевое охранение саперов, не был ни сапером, ни обычным армейцем, возможно, не был и прапорщиком. Он был спецназовцем. Блэк понял это, когда, вернувшись с гудермесской трассы в свою палатку, пролистал натовский каталог российского стрелкового оружия и нашел-таки в нем пистолет, который заметил на поясе у прапорщика. Этим оружием оказался специальный пистолет «СР-1» «Вектор», использующий специальные патроны «СП-10», на пятидесяти метрах с легкостью дырявящие титановые бронежилеты

второго класса защиты. По данным того же каталога, уникальный по своим характеристикам пистолет состоял на вооружении лишь некоторых спецподразделений ФСБ, ГРУ и МВД. Таким образом, разрекламированный натовцами «Вектор» мог иметь при себе далеко не каждый спецназовец, а только спец-волкодав, как называл Блэк бойцов элитных спецподразделений, о которых ходили слухи даже среди чеченских боевиков и с которыми командир диверсантов предпочитал не связываться.

– Э, о чем ты говоришь? – Бисламов перевел на Блэка недовольный взгляд. – Мы вместе ударим по колонне. Мои и твои люди. Вместе, понимаешь?

– Мы работаем одни, – отрезал Блэк. Упрямство чеченского командира избавило его от необходимости каких бы то ни было объяснений.

– Ты что, не доверяешь моим бойцам?! – вспыхнул Бисламов. – Да они все как один готовы отдать жизнь ради... – не найдя соответствующих пафосной речи слов, он закончил: – Нашего дела. А что могут твои люди?! Сжечь несколько машин да перебить десяток людей! А мне нужны головы всех собровцев! Всех до единого! Это они убили моего двоюродного брата и должны ответить за это! Все ответить!

Но яростная речь Ильяса Бисламова не произвела на командира диверсантов никакого впечатления.

– Мы работаем одни, – прежним голосом повторил он.

Неожиданно для Бисламова за наемника вступился молчавший до этого Мухаммед:

– Судя по сведениям, полученным вашими людьми на станции, взрывчатку и снаряды повезут в одной колонне с собровцами. Таким образом, при взрыве машины со взрывчаткой потери составят куда более десяти человек. Полагаю, с уцелевшими люди уважаемого Блэка справятся и самостоятельно. Так имеет ли смысл задействовать в операции лишних бойцов?

Бисламов понял: инспектор ему не доверяет. Отсюда и все его сомнения. Он и так уже снизил оговоренную сумму выплат до пятидесяти тысяч. А вот наемника он явно ценит. Что только стоит его обращение «уважаемый Блэк». А если доверить наемникам выполнение и этой операции, то можно вообще остаться без денег. Придя к такому выводу, Бисламов решительно сказал:

– Вы, уважаемый Мухаммед, возможно, не знаете, что значит для чеченца кровная месть. Настоящий чеченец не перепоручает ее никому. В этой колонне поедут мои кровники, и я пойду туда, чтобы мстить им. Все мои бойцы меня понимают, – для подтверждения своих слов Ильяс взглянул на Умара Динаева, и тот поспешно кивнул головой. – Поэтому пойдут бить собровцев вместе со мной. А если Блэк или его люди боятся, то могут оставаться в лагере!

Открытым обвинением в трусости Бисламов попытался вызвать у наемника возражения и тем самым вынудить его согласиться на совместное проведение намеченной на завтра операции. Но речь полевого командира вновь не произвела на Блэка никакого впечатления. Он даже не удосужился ответить Бисламову. А надетая наемником черная маска не позволила чеченцу проследить за изменением выражения его лица. Поняв, что ответа от Блэка не последует, Бисламов произнес:

– Решено. Мы сами уничтожим российскую автоколонну. И вы, уважаемый Мухаммед, увидите, как сражаются настоящие... чеченцы, – первоначально он хотел закончить фразу словами «воины Аллаха», но затем решил, что гость, представляющий организацию с тем же названием, может не одобрить употребленное сравнение.

После произнесенной фразы в палатке наступило тягостное молчание, но в этот момент, откинув полог, внутрь заглянул Ахмед. Увидев блюдо с недоеденными кусками шашлыка, он воскликнул:

– Вах! Что же вы не кушаете?! У меня уже новый шашлык готов. Так как, подавать?

– Пожалуй, мне уже достаточно, – ответил Мухаммед, опередив Бисламова, и, хотя до этого не съел ни одного куска мяса, начал выбираться из палатки.

Следом за ним к выходу протиснулся и командир наемников. Блэк не сомневался, что заказчик будет ждать его снаружи, поэтому, встретив Мухаммеда на пути к своей палатке, не удивился:

– Мне нравится ваше принципиальное правило работать только в одиночку, – начал он без предисловия. – Но надеюсь, вы не забыли про достигнутую между нами договоренность?

– Вы насчет демонстрации наших возможностей? – поинтересовался Блэк и сам же утвердительно кивнул: – Вы ее увидите.

* * *

Вступительные экзамены в Рязанское высшее командное училище воздушно-десантных войск, как и зачет по физподготовке, Борис Молчанов сдал на «отлично». Курсовой офицер еще на этапе послеэкзаменационных учебно-тренировочных сборов обратил внимание на молодого курсанта, отличающегося отменной физической силой и ловкостью, и назначил Бориса командиром учебного взвода. Остальные курсанты тоже отнеслись к Борису с уважением, безоговорочно признав его лидерство. Многие однокурсники искали с ним дружбы, но другом ему так никто и не стал. За годы учебы с ненавистными одноклассниками у Бориса атрофировалось само понятие дружбы. Он привык быть один, и одиночество ничуть не тяготило его. Борис не задумывался о том, что постепенно превратился в изгоя в собственном коллективе. Однако, оставаясь командиром взвода, он продолжал командовать, и другие курсанты подчинялись ему. Но все рухнуло в одночасье, когда на занятиях по физподготовке Борис подтолкнул в спину не слишком прилежного курсанта. По своей силе толчок больше походил на удар, и возмущившийся таким обращением курсант в ответ ударил Бориса. Такого оскорбления Борис уже снести не мог. Мгновенно в нем вспыхнула злость. И уже расчетливым ударом он сбил своего обидчика с ног. У парня потекла из носа кровь, к тому же он больно ударился головой об асфальт беговой дорожки, тем не менее он вскочил на ноги и бросился на Бориса, но у него повисли на руках его товарищи. При этом один из курсантов, удерживающих своего товарища, обращаясь к нему, громко сказал:

– Оставь его! Не видишь, ему моча в голову ударила!

В ответ на прозвучавшее ненавистное слово Борис ударил и второго курсанта, вложив в удар всю свою силу. Если бы они были одни, он забил бы своего обидчика насмерть. Однако остальные курсанты, навалившись кучей, скрутили своего обезумевшего от злости командира. Никто из них не понял, из-за чего Борис ударил своего товарища, но все слышали его последнюю фразу. Так случайно произнесенное сокурсником слово снова заклеямило Бориса ненавистным с детства прозвищем. Драка, случившаяся на занятиях по физподготовке, получила широкую огласку на курсе. Бориса Молчанова даже собирались отчислить из училища, но курсовой офицер отстоял своего прежде лучшего курсанта. Бориса оставили в училище, но сняли с должности командира учебного взвода. Вызвав в свой кабинет, начальник курса сказал ему:

– Считай, что тебе крупно повезло. Но запомни, еще одна драка, и ты вылетишь отсюда в два счета!

Борис запомнил. Оставшиеся курсы он проучился тихо и незаметно, полностью замкнувшись в себе и практически не общаясь с сокурсниками. Остальные курсанты тоже игнорировали его, и даже секретарь комсомольской организации учебного взвода избегал обращаться к нему с поручениями. Всю клокотавшую внутри энергию Борис нацелил на учебу, с остревением постигая военную науку. После плановых занятий он отправлялся в зал рукопашного боя, где неистово колотил подвешенные на цепях мешки с песком, отрабатывая удары, а когда выпадала возможность, то в стрелковый тир или на стрельбище, где из различных положений, меняя оружие, расстреливал по мишеням имеющиеся в наличии патроны.

Глава 11

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ ГУДЕРМЕСА

8.09, воскресенье, 10-55

Майор Кудрявцев быстро обошел загнанные на грузовую платформу, закрытую с обеих сторон специально поданными товарными составами, грузовики. В кузове каждого грузовика расположились бойцы его отряда. Кудрявцев встречался взглядом с командиром каждой штурмовой группы и шел дальше. «Все на местах, оружие и средства связи проверены. Ребята хоть сейчас готовы в бой. – Евгений взглянул на часы. – Без двух одиннадцать. Но точно по расписанию выезжать нельзя. Обычно при погрузке всегда возникают задержки. Это надо учитывать. Надо чем-то заняться, хуже нет ждать, когда уже все готово». Его взгляд скользнул по широким колесам армейских «Уралов», и Кудрявцев вздрогнул, только сейчас заметив допущенную ошибку. Подавая сигнал внимания, он щелкнул пальцем по вынесенному ко рту микрофону головной радиации и произнес:

– Командирам штурмовых групп собраться в хвосте колонны.

Трое названных офицеров «Каскада», капитан и два старших лейтенанта, бесшумно выпрыгнули из кузовов грузовиков и бегом бросились к своему командиру. Когда они полукольцом окружили его, Кудрявцев, стараясь сохранять самообладание, спросил:

– Чья машина везет боеприпасы?

– Моя, – тут же ответил капитан.

– Из чего это видно? – переспросил Кудрявцев и указал взглядом на последний грузовик. – По легенде, у тебя в кузове почти пять тонн взрывчатки. А рессоры даже не прогнулись, и скаты ничуть не сжались.

Капитан проглотил подступивший к горлу комок и прошептал:

– Виноват. Сейчас исправим.

Кудрявцев хотел ответить резко, но, вспомнив своего бывшего наставника, который говорил: никогда не устраивай разносов перед операцией, сказал совсем не то, что собирался:

– На девятом пути сложены штабелем бетонные шпалы. Быстро перенесите их сюда и уложите в кузов для придания машине необходимой осадки.

Капитан уже хотел развернуться, чтобы исполнить полученное приказание, но Евгений остановил его:

– Снайперов не задействовать. Все. Выполнять. – Подождав, когда капитан добежит до своей машины, он обернулся к лейтенантам. – Помогите ему. На всю погрузку тридцать минут. И помните, мое распоряжение насчет снайперов касается всех.

В течение отведенного получаса бойцы «Каскада» вручную перенесли десяток железнодорожных шпал и уложили их в кузов последнего «Урала». Наблюдая за своими бойцами, Кудрявцев отметил, что хотя лица многих из них и покраснели от натуги, но пот не выступил и, что было куда важнее, руки ни у кого не дрожали. Закончив погрузку балласта, капитан, командуя третьей штурмовой группой, подбежал к командиру.

– Вижу, что готовы, – опередил его доклад Кудрявцев. – По машинам! Выезжаем!

Козырнув, капитан бегом вернулся обратно к машине и легко взобрался в кузов. С удовлетворением отметив, что рессоры последнего «Урала» заметно прогнулись, Кудрявцев прошел к первому грузовику и уселся в кабину рядом с водителем.

– Трогай, – он слегка сжал водителю локоть и, как только завелся двигатель «Урала», сказал в микрофон радиации: – Головной, Замыкающий, мы выходим.

– Я – Головной, вас понял... Замыкающий понял, – ответила радиация.

Как только грузовики съехали с железнодорожной платформы и двинулись по территории станции, их обогнал бронетранспортер, на броне которого сидели шестеро автоматчиков, и занял место во главе колонны. Спустя еще несколько секунд за грузовиками пристроилась боевая разведывательная машина десанта с четырьмя расположившимися на ней «каскадовцами».

– Головной на месте... Замыкающий на месте, – прокомментировали совершенные маневры командиры боевых машин.

В таком же порядке машины выехали за ворота железнодорожной станции и двинулись к выезду из города. При подъезде к блокпосту, прикрывающему въезд в Гудермес, идущему впереди бронетранспортеру пришлось снизить скорость. Но начальник блокпоста, заранее предупрежденный о проходе колонны, самолично вышел на трассу и, приказав своим солдатам поднять шлагбаум, дал приближающимся машинам отмашку. Бронетранспортер без остановки миновал блокпост. Следом за ним проследовали три грузовика и замыкающая колонну БРДМ. Проезжая мимо задранной в небо стрелы шлагбаума, Кудрявцев из кабины повернул к начальнику блокпоста свое беспечное лицо и приветливо улыбнулся. Но как только машина миновала блокпост, лицо офицера ГРУ мгновенно стало сосредоточенно-серьезным.

– Третий, снять обозначения, – приказал Кудрявцев.

– Есть, – коротко ответил ему боец, едущий в кабине третьей машины, и оторвал заранее наклеенный на лобовое стекло знак взрывоопасного груза.

Этот знак, как и загруженный в кузов балласт, должен был указать диверсантам, что боеприпасы находятся именно в этой машине. Но правила безопасности движения автоколонн по дорогам республики требовали не иметь на машинах отличительных обозначений, и, выезжая из города, Кудрявцев распорядился убрать знак с лобового стекла.

– Внимание всем, – объявил он в микрофон своей рации, когда колонна выехала на трассу Гудермес – Ханкала. – Скорость шестьдесят, дистанция сто метров.

Ответов не последовало. За городом действовал режим радиомолчания, согласно которому старшие машин и наблюдатели могли выходить в эфир лишь в исключительных случаях. Убедившись, что водители машин набрали указанный им интервал, Евгений развернул на колесах крупномасштабную топографическую карту, на которой собственноручно отметил наиболее выгодные для засад места. Всего таких мест он определил шесть: три до Аргуна и три после. Правда, опыт военного разведчика подсказывал ему, что диверсанты не будут нападать на колонну на участке шоссе Аргун – Гудермес, где всего четыре дня назад они уже расстреляли следующую в Гудермес автоколонну. Однако ни он, ни остальные «каскадовцы» не взялись бы утверждать, как поведут себя диверсанты. Поэтому наблюдатели, расположившиеся на броне боевых машин, внимательно всматривались в придорожный пейзаж, а бойцы в кузовах грузовиков ежесекундно ожидали приказа своего командира.

Три первых потенциально опасных участка колонна прошла без происшествий. Вскоре впереди показался блокпост на въезде в Аргун, и Кудрявцев облегченно перевел дыхание. В операции по выманиванию на живца вражеской диверсионной группы наступило время короткой передышки. Но вот машины проследовали Аргун, и Кудрявцев вновь собрался. При этом он почти физически ощутил, как напряглись наблюдатели на головном бронетранспортере и замыкающей десантной машине. Во время движения колонны им приходилось тяжелее всех прочих бойцов «Каскада». Евгений представлял, как в проносащемся перед их глазами зеленом травяном ковре или стене кустов и лесной поросли наблюдатели пытаются разглядеть сломанную или отогнутую ветку, примятость травы, разрытую или оказавшуюся не на месте копну, проблеск окуляров бинокля или оптического прицела. При этом наблюдатели должны скрывать свое внимание, изображая беззаботно развалившихся на броне солдат. Через стекло кабины Евгений отчетливо видел бойцов своего отряда, сидящих за пулеметной башней БТРа. Увидев их расслабленные позы, любой бы подумал, что солдаты просто отдыхают. И лишь один

заместитель командира «Каскада» представлял, каких усилий стоит его бойцам их беззаботный вид.

При прохождении первого после Аргуна потенциально опасного участка один из сидящих на БТРе наблюдателей слегка нагнулся и изменил позу. Увидев его движение, Кудрявцев затаил дыхание и двумя руками схватился за свой автомат. Ни зрительных, ни звуковых сообщений от наблюдателей так и не последовало, однако Евгений расслабил сжатые подобно пружине мышцы, лишь когда машины прошли опасный участок. А на следующем удобном для расположения засады участке шоссе он вновь сжимал в руках автомат, внимательно следя за дорогой и за едущими на головном бронетранспортере наблюдателями. Но и здесь машины без остановки промчались по дороге, оставив за собой лишь клубы поднятой пыли. «Неужели все впустую и диверсанты так и не клюнули на предложенную им приманку?» – возник в голове Евгения Кудрявцева невольный вопрос. Но он решительно отогнал от себя все мысли, мешающие следить за дорогой и реакцией едущих на БТРе наблюдателей. До Ханкалы оставалось проехать еще восемь с половиной километров, включающие последний удобный для засады участок шоссе.

Глава 12

ШОССЕ ГУДЕРМЕС – ХАНКАЛА, 34-Й КМ

8.09, воскресенье, 12-06

В лобовое стекло, надсадно жужжа, билась неизвестно как залетевшая в кабину муха. Ее противное жужжание раздражало Евгения, к тому же мечущаяся по стеклу муха мешала следить за дорогой. Евгений уже несколько раз пытался ее поймать, но муха упорно не давалась в руки. Тогда он сорвал с головы мягкую полевую фуражку и, размахнувшись, припечатал муху к стеклу. Он еще не успел отнять руку от стекла, как из капсулы-наушника ему в ухо ворвался взволнованный голос одного из наблюдателей с бронетранспортера:

– Впереди, на участке с выбитым асфальтом, поперечная дорожка влажного песка. Головной.

– Понял, Головной, – немедленно отреагировал Кудрявцев и, сейчас же забыв про убитую муху, отдал соответствующий приказ. – Скорость тридцать, дистанция прежняя. Третий, четырех человек в парный дозор вдоль обочин.

Все задействованные в операции бойцы «Каскада» прошли специальную подготовку и уже имели за плечами опыт реальных боевых действий. Поэтому Евгению не требовалось объяснять своим бойцам, что означает полоса влажного песка, пересекающая дорогу. Всем «каскадовцам» был известен этот способ определения степени загрузки проходящих по дороге автомашин. Ведь груженная машина оставляет на мокром песке более глубокий след, чем идущая порожняком. А опытный наблюдатель по глубине оставленного колесами следа может определить и примерный вес перевозимого груза. Сообщение дозорных о замеченной ими полосе мокрого песка не оставило у Кудрявцева сомнений о присутствии возле шоссе вражеского наблюдателя.

Уже через несколько секунд после прозвучавшего приказа из кузова притормозившего третьего грузовика выпрыгнули четверо «каскадовцев». Разделившись на пары, они перепрыгнули через кювет и исчезли в придорожных зарослях. Скрываемые ветвями и высокой травой, бойцы устремились вперед. Не добежав нескольких метров до участка, разбитого взрывами и колесами большегрузных автомобилей, пара бойцов, следующих вдоль левой обочины, увидела двух человек в камуфляжной форме, залегших за грудой щебня. Невидимые с дороги, те даже не потрудились замаскироваться, уверенные, что их не будут искать. Когда «каскадовцы» обнаружили залегших возле дороги наблюдателей, один из них что-то взволнованно шептал по-чеченски в микрофон карманной рации. Дождавшись, когда наблюдатель закончит свой диалог, один из «каскадовцев» прыгнул ему на спину и молниеносным движением оглушил противника ударом приклада. Второй, заметив это, а скорее просто почувствовав опасность звериным чутьем, отпрянул в сторону и схватился за лежащий сбоку автомат. Но поднять его уже не успел. Второй «каскадовец», страховавший своего напарника, наступил ногой на автомат боевика, а стволом своего автомата, словно штыком, ударил боевика между глаз. Под стволом что-то хрустнуло, и голова боевика откинулась назад, а сам он кулем растянулся на куче щебня. Взглянув в остановившиеся зрачки боевика, оба «каскадовца» поняли, что на ноги он уже никогда не поднимется. Второму наблюдателю повезло больше, хотя и он пока тоже не подавал признаков жизни. «Каскадовцы» сноровисто обыскали тела, и старший сообщил в микрофон:

– Слева от дороги двое наблюдателей – «чехи». Взяли обоих. Один холодный. При себе имели два «АКМа» и «уоки-токи», похоже, китайского или тайваньского производства.

– Вас понял, – ответил Кудрявцев, приняв сообщение. – Следуйте за колонной до соединения со своей группой.

Хотя использование диверсантами наблюдателей-чеченцев выглядело необычным, принятое сообщение не удивило майора Кудрявцева. Поэтому все его дальнейшие приказы логично вытекали из сложившейся обстановки и бойцы «Каскада» четко выполняли их.

– Вторая, третья штурмовые группы к бою!...

Из кузовов второго и третьего грузовика принялись выпрыгивать «каскадовцы». Едва оказавшись на земле, они устремлялись на склон холма, где, по предположению их командира, должна была находиться вражеская засада.

– Головной, на исходный рубеж, открыть заградительный огонь!...

Увеличив скорость до максимума, бронетранспортер рванулся вперед, но, не доезжая до открывающегося со склона холма сектора обстрела, свернул к обочине. В то же мгновение его сдвоенные пулеметы изрыгнули град пуль, обрушившийся на предполагаемые огневые позиции диверсантов. Под прикрытием ураганного пулеметного огня сидевшие на броне автоматчики попрыгали вниз и устремились вверх по склону.

– Первая штурмовая группа, на рубеж перехода в атаку, к бою!...

Первый грузовик обогнал остановившийся на обочине БТР, промчался по дороге и, миновав определенный засеваемыми в засаде боевиками сектор обстрела, остановился. Брезентовый полог, закрывающий задний борт кузова, взлетел вверх, освободив путь укрывшемуся в кузове целому отделению «каскадовцев».

– Замыкающий, огонь на поражение! – выкрикнул Кудрявцев последнюю команду, выпрыгивая из кабины головного «Урала».

За его спиной боевая разведывательная машина десанта, встав возле «Урала» первой штурмовой группы, развернула в сторону холма свое орудие, и к треску очередей башенных пулеметов бронетранспортера прибавился грохот гладкоствольной пушки.

В гоме разрывов артиллерийских снарядов и треске пулеметных и автоматных очередей невозможно было слышать отдаваемые команды. Но «каскадовцы» отлично справлялись со своей задачей и без них. Первая, вторая и третья штурмовые группы, при поддержке огня бронетранспортера и боевой десантной машины, ударили с двух флангов по замаскированным позициям боевиков. По склону спускающегося к дороге холма прокатился настоящий огненный вал, за которым следовали бойцы «Каскада».

В рассредоточившейся цепи первой штурмовой группы бежал и майор Кудрявцев. Последним выпрыгнув из машины, он быстро догнал взбирающихся на холм бойцов и вырвался вперед. В нескольких метрах от него из-за камня вскочил обезумевший от ужаса чеченский боевик. В руках он держал ручной пулемет, но даже не попытался навести оружие на командира «каскадовцев». Второго шанса боевику Евгений уже не дал. Его палец вдавил спусковой крючок, и боевика буквально пригвоздила к камню короткая точная очередь. Слева от Евгения оказался еще один боевик. Майор проворно навел на него свой автомат и только тогда сообразил, что боевик уже мертв. Он лежал на животе, выронив из рук гранатомет, его скрюченные предсмертной судорогой пальцы вцепились в землю, а из широкой раны на боку обильно сочилась кровь. Отметив про себя, что боевика зацепило осколком одного из разорвавшихся снарядов, Кудрявцев устремился дальше. На вершине холма он увидел пульсирующую вспышку пламени, свидетельствующую, что оттуда бьет чеченский пулемет. По направлению к Евгению на склоне взметнулась череда высекаемых пулями песчаных фонтанчиков. Чеченский пулеметчик целенаправленно старался нащупать очередью вырвавшегося вперед бойца спецподразделения. Вскинув автомат, Кудрявцев от живота дал по вражескому пулемету длинную очередь и, бросившись на землю, проворно откатился в заросли ближайшего к нему редкого кустарника. Напуганный его выстрелами, пулеметчик на какое-то время потерял цель из вида, что позволило Евгению, лежа под прикрытием ветвей, выхватить из жилета боевой разгрузки ручную гранату. Он сейчас же выдернул кольцо и, выкатившись из-за куста на открытое пространство, швырнул гранату в сторону засевавшего на вершине пулеметчика.

До недавнего времени применение ручных гранат в горных условиях было сопряжено с большим риском. Не раз за то время, что горел пороховой замедлитель запала, брошенная граната успевала скатиться по горному склону и взрывалась среди атакующих российских солдат. Но сейчас в руках Кудрявцева оказалась новая модификация осколочной гранаты, получившая наименование «РГН» – ручная наступательная граната, разработанная специально для применения в условиях горной местности. И взрыв прогремел, едва граната ударилась о землю. Но еще до взрыва Кудрявцев понял, что его бросок получился недостаточно сильным и граната не долетит до цели. Столб песка, взметнувшийся за несколько метров до вершины холма, подтвердил его опасения. Непрерывно стреляя, Евгений зигзагами бросился вверх по склону, стремясь сократить дистанцию до расстояния эффективного броска гранаты. И в этот момент на вершине холма, откуда только что стрелял пулемет, друг за другом прогремели три мощных взрыва. Очевидно, наводчик-оператор оставшейся у подножия холма БРДМ тоже засек бьющий с вершины пулемет и постарался подавить его огнем своего орудия. Практически сразу за серией разрывов артиллерийских снарядов где-то в стороне разорвалась ручная граната. «Не наша. Скорее всего «Ф-1», – мысленно отметил Кудрявцев, с автоматом наперевес бросаясь к вершине и ежесекундно ожидая новой очереди чеченского пулеметчика. Но ее так и не последовало. По крайней мере один из трех выстрелов оказался точным. Прямое попадание осколочно-фугасного артиллерийского снаряда превратило станковый пулемет «утес» в груды искореженного металла, а залегшего за ним боевика – в нашпигованный кусками разлетевшейся стали развороченный труп.

Очевидно, близкие разрывы артиллерийских снарядов обратили в бегство остальных боевиков, занявших огневые позиции на вершине холма. Взлетев на вершину, Кудрявцев лишь мельком взглянул на уничтоженный крупнокалиберный пулемет и то, что осталось от пулеметчика. Внимание командира «каскадовцев» привлекли двое боевиков, со всех ног бегущих по противоположному склону к начинающемуся у подножия холма довольно густому лесу. Прикинув, что срезать удирающих боевиков автоматной очередью он всегда успеет, Кудрявцев бросился за ними в погоню. Несмотря на то что страх удвоил силы боевиков, соревноваться в беге с заместителем командира «Каскада» они не могли. Расстояние между майором Кудрявцевым и боевиками стремительно сокращалось. И это вскоре заметил, а точнее просто почувствовал один из них. На бегу он схватил за руку боевика и, развернув его лицом к Кудрявцеву, что-то громко прокричал по-чеченски, а сам еще быстрее устремился к лесу. Евгений не расслышал слов прозвучавшей команды, но понять ее смысл было нетрудно. Опредив дальнейшие действия своего противника, Евгений вскинул автомат, направив его ствол в грудь боевика. Тот в ответ истошно закричал:

– Сдаюсь!

Выбросил оружие и упал на колени, задрал к небу руки. Однако было уже поздно. Палец Евгения вдавил спусковой крючок. Автомат клацнул, но выстрела не последовало. В пылу атаки Кудрявцев не заметил, как в его магазине закончились патроны. До поднявшего руки боевика оставалось всего несколько метров. Кудрявцев изо всех сил рванулся к нему, пока тот не успел опомниться и сообразить, что в автомате атакующего спецназовца нет патронов. Взвившись в прыжке, Кудрявцев опустился на ноги возле боевика и рубанул его прикладом автомата по шее. Тот мешком завалился в траву, а Евгений сейчас же переключился на другого удирающего боевика. В многочисленных карманах-подсумках его разгрузочного жилета хранились еще три магазина, но Евгений не стал тратить время на то, чтобы перезарядить оружие. Он просто забросил автомат за спину, а вместо него выхватил из поясной кобуры свой неразлучный восемнадцатизарядный «Вектор».

Несущийся вниз по склону боевик вновь почувствовал погоню. Перехватив свой автомат одной рукой, он, не оборачиваясь, развернул оружие назад и пустил веером длинную очередь. Попасть в цель из столь неудобного положения ему могло помочь только дьявольское везенье.

Тем не менее Кудрявцев нырнул в сторону, обходя боевика сбоку, и, когда его правая рука с зажатым в ней автоматом оказалась перед ним, не задумываясь, вскинул пистолет и дважды нажал на спуск. Одна из выпущенных Евгением пуль царапнула боевика по плечу. От боли и неожиданности он вскрикнул и выронил свой автомат. Кудрявцев вновь увеличил скорость, чтобы успеть достать боевика, пока тот не выхватил новое оружие – на поясе у него вполне мог оказаться пистолет. Боевик действительно опустил руки к поясу и сейчас же поднял на уровень глаз. Но в его руках оказался вовсе не пистолет, который ожидал увидеть Кудрявцев, а ручная граната, из которой тот судорожно выдергивал кольцо. Даже будучи раненным и потеряв автомат, боевик не собирался сдаваться. Он все еще надеялся уйти, тем более что до буковой роши, к которой он так стремился, осталось совсем немного.

Между его сжатыми пальцами Евгений увидел ребристый корпус оборонительной гранаты «Ф-1», в просторечье «лимонки», радиус разлета осколков которой составляет 200 метров. Несмотря на острое желание взять боевика живым, Евгений решил, что в складывающейся ситуации риск слишком велик. Выдерни чеченец кольцо, они, скорее всего, погибнут оба. Более не колеблясь ни секунды, Евгений поднял пистолет и дважды выстрелил. Тот выронил гранату под ноги и упал в покрывающую склон холма высокую траву. Кудрявцев тоже бросился в траву, мысленно считая про себя оставшиеся до взрыва секунды. Когда на пятой секунде взрыва так и не произошло, Евгений понял, что боевик не успел выдернуть из гранаты чеку, и поднялся с земли.

Застреленный боевик лежал на спине, отбросив в сторону левую руку. С первого взгляда на его лицо с оскаленным ртом и выкаченными глазами Кудрявцеву стало понятно, что он мертв. Оставив труп в траве, Евгений бросился назад, чтобы помочь своим бойцам. Но когда он поднялся на вершину холма, бой уже закончился. «Каскадовцы» сноровисто обыскивали захваченных в плен боевиков, а трупы погибших относили к шоссе и в ряд укладывали на обочине. Старшие трех штурмовых групп, собравшись вместе, ожидали своего командира.

– Всех взяли! Двадцать три человека! Никто не ушел! – еще издали крикнул подходящему майору один из старших лейтенантов.

– Наши потери? – осведомился Кудрявцев.

– Четверо раненых. Трое легко, а Борису Глебову осколком очень неудачно колено зацепило. Боюсь, как бы инвалидом...

– Мы не хирурги! – резко оборвал Евгений своего подчиненного. – Потери боевиков?

– У них холодных и живых примерно пятьдесят на пятьдесят. Правда, среди раненых половина тяжелых. Парни их сейчас перевязывают. А остальные вот, – взглядом офицер указал на группу из шести боевиков, которые со связанными за спиной руками спускались к дороге.

Не имея в своем снаряжении наручников, бойцы «Каскада» связали им руки их собственными ремнями. Отчего некоторым боевикам приходилось поддерживать сзади свои сползающие штаны. Среди них Кудрявцев увидел того, кого ударил прикладом своего автомата. На шее боевика, в месте удара, надулся здоровенный синяк. Но судя по тому, что пленный шел сам, его увечье не оказалось тяжелым.

– Двадцать три человека, – повторил за своим офицером Кудрявцев, назвав общее количество обезвреженных боевиков. – Это уже не диверсионная группа, это целая банда. Так что же, мы ставили капкан на одну дичь, а попалась другая?

– Бывает, – пожав плечами, ответил молчавший до этого капитан, командовавший третьей штурмовой группой.

Несколько секунд Кудрявцев молчал, затем, приняв решение, распорядился:

– Грузите пленных и трупы в машины. Возвращаемся на базу. Там разберемся, что это за зверье.

– По машинам! – разнеслась над дорогой продублировавшая его слова команда старших штурмовых групп.

Выполняя поступивший приказ, «каскадовцы» подняли в кузовах двух первых грузовиков захваченных живыми боевиков, довольно бесцеремонно в кузов третьего «Урала», прямо на железнодорожные шпалы, скидали трупы и лишь затем заняли собственные места. Через пару минут после прозвучавшего приказа вся колонна двинулась по шоссе в сторону Ханкалы.

Глава 13

ШОССЕ, 7 КМ ЮЖНЕЕ ХАНКАЛЫ

8.09, воскресенье, 12-39

Из облака поднявшейся над дорогой пыли вынырнула боевая машина десанта. Когда она проезжала мимо, Блэк в свой бинокль смог отчетливо разглядеть задранный вверх ствол ее башенного орудия и прочесть выведенный белой краской номер на борту. Миновав засаду, БРДМ умчалась дальше в сторону Ханкалы, и Блэк опустил бинокль, давая отдых своим глазам. Он мог уничтожить проезжающую всего в каких-нибудь шестидесяти метрах от него машину с одного-единственного выстрела. Мог, но не сделал этого, хотя уже снаряженный гранатомет лежал рядом, на расстоянии вытянутой руки. На заказчика, залегшего с видеокамерой на вершине соседнего холма, поджог одной БРДМ вряд ли произведет впечатление. Блэк выжидал более крупной добычи, которая, судя по проехавшей по шоссе дозорной машине, вот-вот должна появиться. Вместе с Блэком выжидали и остальные трое боевиков созданной им диверсионной группы: Боксер, Слон и Колчан. Опасаясь радиоперехвата и пеленгации, Блэк запретил своим бойцам пользоваться рациями. Сигналом открытия огня для диверсантов служил первый выстрел командира, который неизменно оказывался точным. Это он выбирал, какую цель следует атаковать, а какую пропустить. Поэтому трое боевиков проводили равнодушными взглядами проехавшую по шоссе одиночную машину. И лишь заказчик, занявший свою наблюдательную позицию почти в полукилометре от дороги, далеко за пределами эффективного огня стрелкового оружия, недовольно завозился на подстилке из палых листьев, когда промчавшаяся по шоссе БРДМ исчезла из объектива его цифровой видеокамеры.

Поднятая десантной машиной пыль постепенно начала оседать, когда вдалеке послышался нарастающий гул, а еще примерно через полминуты перед Блэком в секторе обстрела появился бронетранспортер федеральных сил, хорошо знакомая ему «восьмидесятка». И хотя диверсант еще не видел следующих за бронетранспортером машин, он понял, что перед ним наконец появилась та самая долгожданная добыча. Протянув в сторону руку, Блэк осторожно подтянул к себе гранатомет, освободил и раздвинул установленные на его стволе сошки и привычно установил оружие перед собой. Следом за возглавляющим колонну бронетранспортером в секторе обстрела уже появились армейский грузовик и второй БТР боевого охранения. Блэк прижался глазом к окуляру установленного на гранатомете оптического прицела. Грузовик и второй БТР сразу пропали из вида, но пока они гранатометчика не интересовали. Он навел перекрестие прицела на выведенный белой краской номер на борту БТРа, который вот-вот должен был выйти из сектора обстрела. Но диверсант не дал боевой машине такой возможности. Палец Блэка коснулся спускового крючка, и воспламенившийся пороховой заряд с шипением и грохотом вытолкнул из ствола несущую смерть стрелу противотанковой гранаты. В ту же секунду на борту бронетранспортера вспыхнуло пламя и раскаленный сгусток расплавленного металла ворвался внутрь боевой машины, сжигая все на своем пути.

Блэк увидел, что попал, и подбитый БТР сразу перестал для него существовать. Если в экипаже бронетранспортера кто-то выжил и сумеет выбраться из объята пламенем машины до того, как она превратится в братскую могилу, ими займутся Боксер и Слон. Живая сила – это их задача, а его, как гранатометчика, интересуют более важные цели.

– Колчан, фугасную гранату! – крикнул Блэк и, обернувшись, протянул руку к лежащему за его спиной Колчану, выполняющему при командире роль заряжающего.

Тот незамедлительно вложил в руку Блэка заранее приготовленную гранату «ТБГ-7В» с термобарической боевой частью. Гранатометчик вогнал гранату в ствол и через секунду поймал в прицел ехавший за головным бронетранспортером грузовик. Грузовик уже не двигался,

так как подбитый первым выстрелом БТР преградил ему дорогу. Блэк увидел на брезентовом тенте белый круг с метровым красным крестом и, словно на мишени, остановил на нем перекрестие прицела. Вокруг бронетранспортера, из пробоины на борту которого уже валил густой черный дым, и остановившегося грузовика суетились несколько автоматчиков, беспорядочно поливающие огнем соседние склоны. В ответ по ним стреляли Слон и Боксер, впрочем, как убедился Блэк, без особого успеха. Но главной цели Слон и Боксер достигли: в завязавшейся перестрелке автоматчики федералов не смогли отыскать огневую позицию быющего по ним гранатометчика. Возможно, кто-то из них и заметил новую вспышку на горном склоне, но изменить что-либо они уже не могли. Врезавшаяся в борт грузовика фугасная граната при своем разрыве окутала грузовик аэрозольным облаком зажигательной смеси, которое в следующее мгновение превратилось в огромный пылающий костер объемного взрыва. Чудовищной силы взрывная волна смяла в лепешку грузовик и разметала по шоссе тела оказавшихся возле него солдат.

– Вот так, – удовлетворенно заметил Блэк, наблюдая за картиной разверзшегося ада. – Всего один выстрел, а каков результат!

В этот момент вокруг диверсанта засвистели пули, высекая из горного склона фонтанчики песка и каменного крошева. Блэк рефлекторно упал на землю и, бросив взгляд на шоссе, увидел, как замыкающий колонну БТР длинными очередями обстреливает горный склон. Под таким ураганным обстрелом нечего было и пытаться произвести прицельный выстрел. Но и попытаться отойти под столь плотным пулеметным огнем было равносильно самоубийству. Внимание пулеметчика нужно было чем-то отвлечь. Блэк пнул ногой лежащего позади него Колчана и, обернувшись к нему, приказал:

– Обойди бэтр сбоку и расстреляй его!

– Чем?! – Боевик изумленно вытаращил глаза на своего командира, показав ему свой автомат.

– У тебя же подствольник! – прикрикнул на него Блэк. – Давай!

Свой приказ он подкрепил мощным пинком в грудь Колчана. Зная, сколько усилий нужно приложить, чтобы хотя бы сдвинуть массивную тушу второго номера с места, Блэк вложил в удар всю свою силу. Но и результат не замедлил сказаться. Колчан кубарем выкатился из-за валуна на открытое место, но тут же вскочил и, поспешно вскинув свой автомат, выстрелил из подствольного гранатомета в сторону БТРа. Лишь после выстрела он сообразил, что даже при прямом попадании осколки противопехотной гранаты не способны пробить броню бронетранспортера, и, уже не думая больше ни о чем, кроме как о спасении собственной жизни, бросился по горному склону к ближайшим зарослям. На бегу Колчан делал нелепые зигзаги, надеясь таким образом уйти из-под обстрела, однако добился скорее обратного эффекта. Пулеметчик в стрелковой башне БТРа не мог не заметить несущегося по горному склону боевика и сейчас же перевел на него огонь своих пулеметов. Именно этого Блэк и добивался.

Определив по свисту пуль, что пулеметы БТРа бьют по другой цели, Блэк вытащил из оставленной Колчаном гранатной сумки новую противотанковую гранату и одним движением вогнал ее в ствол гранатомета. Он очень спешил, но не потому, что хотел спасти Колчана, которого сам отправил практически на верную смерть, а исключительно из чувства самосохранения. Блэк прекрасно понимал: расстреляв Колчана, пулеметчик вновь начнет нащупывать очередями замаскировавшегося гранатометчика. Собираясь с духом, диверсант решительно выдохнул, затем ухватил гранатомет двумя руками за сошки и пистолетную рукоятку и, держа оружие на весу, выпрыгнул из-за валуна. В одно движение он опустил на одно колено, уложил расходящийся раструб гранатометного ствола себе на плечо и припал к окуляру оптического прицела. Как ни странно, Колчан был еще жив. Смешно подпрыгивая и петляя под свистящими вокруг него пулями, он мчался к лианоподобным зарослям, местами покрывающим горный склон. Блэк направил гранатомет на бронетранспортер, пулеметы которого были развернуты в

сторону Колчана, поместил перекрестие прицела под нижний срез пулеметной башни и плавно спустил курок. Раздался грохот, и башня БТРа исчезла в окутавшем ее облаке дыма. Пулеметы разом замолчали, но не замечающий этого Колчан все так же бежал по склону. Блэк еще раз усмехнулся его неумелым финтам, после чего выудил из кармана разгрузочного жилета сигнальный патрон и, направив его вверх, дернул за шнур. С пронзительным воем в небо взлетела красная ракета, означающая для диверсантов сигнал к отходу. Практически сразу смолкли пулемет Слона и автомат Боксера, из которых они продолжали поливать свинцом расстрелянную автоколонну, хотя в ответ уже не раздавалось ни одного выстрела. Блэк подобрал с земли пустую гранатную сумку и вместе с ней и гранатометом начал взбираться по склону на вершину горы. И хотя со стороны дороги по-прежнему не звучали выстрелы, диверсант старался отступать так, чтобы между ним и горящими машинами расстрелянной колонны постоянно находился застрявший на склоне валун, служивший укрытием для его огневой позиции.

У вершины его догнали Боксер и Слон, чуть позже к ним присоединился и насмерть перепуганный Колчан. Пережитый страх он пытался прикрыть напускной веселостью и хвастливым рассказом о том, как ловко он уворачивался от пуль пулеметчика с БТРа. Колчан не переставая говорил, хотя к его рассказу никто не прислушивался. Боксер и Слон вспоминали минувший бой, а Блэк думал о предстоящей встрече с заказчиком.

Заказчика он заметил еще издали, во время спуска с горы. Тот сидел на корточках, спиной к диверсантам, и что-то сосредоточенно перебирал руками перед собой. В двух шагах от заказчика неподвижно застыл его безмолвный телохранитель. Правда, заметив спускающихся с горы людей, он мгновенно развернулся к ним вполоборота и схватился рукой за пистолет, но, узнав Блэка и его бойцов, принял прежнюю позу. «Чертов мим», – злобно усмехнулся Блэк, но уже в следующую секунду забыл о телохранителе, увидев, чем занимается заказчик. Перед ним на земле стоял прибор, одновременно напоминающий переносной компьютер и спутниковый телефон. Прибор имел откидывающийся жидкокристаллический экран и клавиатуру, рядом с которой покоилась телефонная трубка. Кроме телефонной трубки на панели с клавиатурой имелся штекерный разъем, от которого тянулся кабель к установленной рядом с прибором раздвижной параболической антенне.

– Что это еще за херня?! Чем вы занимаетесь?! – рявкнул Блэк и бросился к склонившемуся перед своим прибором заказчику.

Телохранитель заказчика молниеносно среагировал на бросок Блэка и, шагнув навстречу диверсанту, преградил ему дорогу. Реакция Мухаммеда, напротив, оказалась удивительно спокойной.

– Это не херня, а спутниковый терминал, – ответил он, повторив незнакомое русское слово. – И я только что передал по нему моим коллегам свое восхищение вашей работой и свои самые лестные рекомендации. Впрочем, сделанная мною видеозапись всей операции, которую я также переслал своим коллегам, – Мухаммед кивком головы указал на видеокамеру, лежащую возле его спутникового терминала, – лучше всяких рекомендаций подтверждает вашу высочайшую квалификацию.

Заказчик нажал еще несколько клавиш на клавиатуре, затем отсоединил кабель спутниковой антенны и накрыл клавиатуру панелью с жидкокристаллическим экраном. Его телохранитель тут же принялся сворачивать антенну. Мухаммед же, сразу утратив интерес к своей аппаратуре, поднялся на ноги и, обращаясь к командиру диверсантов, произнес:

– Поздравляю вас, мистер Блэк! Вы отлично справились со своей задачей. Я получил огромное удовольствие, наблюдая за вашей работой. Это было лучше, много лучше того, что я ожидал увидеть. – Блэк заметил, что от волнения он с трудом подбирает нужные русские слова. А заказчик тем временем продолжал выражать свое восхищение результатами увиденной операции. – Тремя выстрелами вы уничтожили всю автоколонну. Когда мои коллеги просмотрят

видеозапись, у них отпадут всякие сомнения в правильности сделанного мною выбора! Это же надо, всего тремя выстрелами...

– Вы, кажется, собирались сделать заказ, если вас удовлетворит результат нашей работы, – перебил его Блэк. – Я вас слушаю.

Заказчик сразу стал серьезен. Придержав Блэка за локоть, он сказал:

– Отпустите своих людей вперед, мы немного задержимся.

Блэк кивнул и, махнув рукой обернувшегося к нему Слому, приказал:

– Идите к лагерю, я вас догоню.

Слон понимающе кивнул, и вскоре все три боевика скрылись на ведущей в ущелье узкой тропинке. Блэк обернулся к заказчику и кивком головы указал на его телохранителя, который уже успел упаковать в свой рюкзак спутниковый терминал и сложенную наподобие зонта параболлическую антенну. В ответ заказчик широко улыбнулся:

– О, не беспокойтесь. Мой помощник говорит только по... – сообразив, что едва не проговорился, он поспешил добавить: – И еще немного по-английски.

– Тогда пусть идет впереди. Не люблю, когда мне дышат в затылок.

Зарубежный курьер недостаточно хорошо знал русский язык, чтобы понять, что означает последнее выражение. Поэтому слова командира диверсантов его удивили. Телохранитель был гораздо выше русского наемника, поэтому дышать ему в затылок мог, только согнув ноги в коленях. И хотя иностранный курьер не понял смысла высказанной наемником странной просьбы, но не стал ему возражать и отправил своего телохранителя вперед.

– Скоро в Россию должен прибыть один зарубежный гость, – в ответ на вопросительный взгляд Блэка начал заказчик. – Мои коллеги очень не хотят, чтобы он встретился с российским президентом...

– И за это они готовы заплатить миллион долларов? – вновь перебил его Блэк.

– Да, – просто ответил заказчик. – Но, чтобы получить эти деньги, вам придется выполнить ряд условий...

Дальнейший рассказ Блэк слушал молча и не произнес ни одного слова, даже когда заказчик закончил говорить. Лишь когда тот поинтересовался его мнением, Блэк ответил:

– Дело действительно серьезное, но выполнимое. Я могу взяться за него, но у меня тоже существует ряд условий. Вернее, всего одно.

– Говорите, – иностранный курьер вопросительно взглянул в лицо наемника.

– Вы увеличиваете сумму контракта до трех миллионов долларов.

Заказчик вновь перевел взгляд на тропу, по которой приходилось идти. Собираясь в свое рискованное путешествие, он уже знал, что услышит нечто подобное. Правда, когда он впервые заговорил с русским наемником о контракте и назвал сумму, у него создалось впечатление, что наемник с ходу готов согласиться. Однако стоило ему узнать задание, как он поднял плату до трех миллионов. На родине исполнитель запросил за работу два миллиона. Но в его способностях заказчик сильно сомневался, да и политический эффект был бы куда ниже, чем сейчас. «В конце концов, дело того стоит», – сказал себе заказчик и, повернувшись к Блэку, утвердительно кивнул:

– Мы принимаем ваше условие, но запомните: если встреча состоится, вы не получите ничего.

Блэк не смог сдержать торжествующей улыбки.

– Она не состоится. Можете не сомневаться.

Заказчик ничего не ответил, лишь, остановившись, прикрыл глаза и шепотом произнес несколько слов неизвестной Блэку молитвы, хотя за время своего пребывания в полевых лагерях и горных учебно-тренировочных базах, где ему приходилось готовить чеченских боевиков, он слышал немало молитв как на чеченском, так и на арабском языке.

* * *

Борис Молчанов закончил военное училище с красным дипломом, имея отличные оценки по всем дисциплинам специальной военной и огневой подготовки и не получив ни одного нового дисциплинарного взыскания. Он строго следовал указаниям начальника курса, да и избегающие его курсанты не давали Борису поводов для драк. Он научился быть незаметным и вести себя так, как этого хотят от него окружающие. Никто из руководства училища и преподавателей так и не узнал, сколько ненависти скопилось в душе новоиспеченного лейтенанта. При распределении Борис был направлен для прохождения службы в отдельную бригаду специального назначения, дислоцирующуюся в Таджикистане.

Командование бригады сразу отметило феноменальную снайперскую подготовку бывшего в часть офицера. Но снайпер – не должность для офицера, и лейтенант Молчанов был назначен командиром противотанкового гранатометного взвода. Во всех военных городках молодые офицеры обычно тянутся друг к другу, а уж в тех, что расположены в отдаленных и труднодоступных местах, особенно. Но Борис Молчанов с прочими офицерами части держался настороженно, в разговоры о жизни не вступал и о своем прошлом не рассказывал. Поначалу у его сослуживцев это вызывало удивление, но постепенно они привыкли к замкнутости нового лейтенанта и оставили Бориса Молчанова в покое. А потом произошло событие, которым офицеры объяснили мрачность и угрюмость своего сослуживца. Умерла мать Бориса. Позвонить из части домой было достаточно сложно, да Борис и не горел особым желанием общаться с матерью, поэтому о ее смерти узнал только из отправленной соседями телеграммы. Командир части, узнав о личном горе своего подчиненного, немедленно предоставил ему недельный отпуск. Из отпуска Борис вернулся еще более угрюмый и злой. Сослуживцы отнеслись к этому с пониманием – еще бы, переживает человек. Но переживал Борис совсем по другой причине. Мать то ли позабыла, то ли просто не захотела приватизировать квартиру, а так как Борис был прописан в своем военном городке, то квартира матери перешла государству. Борис воспринял это как очередную личную обиду. Но теперь к числу его конкретных обидчиков прибавилось и персонифицированное государство.

Возможно, в иные времена замполит в конце концов и обратил бы внимание на странное поведение молодого офицера. Но политотделы в воинских частях к тому времени уже расформировали. А командование бригады было озабочено другими проблемами. Совсем недавно закончилась афганская война. Последние советские части покинули территорию Афганистана, но перестрелки на границе случались чуть ли не ежедневно, и банды наркокурьеров регулярно проникали на территорию Таджикистана. К тому же и некогда мирный Таджикистан превратился в «горячую точку». Внезапно вооружившиеся таджикские кланы принялись отчаянно бороться за власть, подчас вырезая своих противников целыми селениями. Бригада спецназа, где служил Борис Молчанов, не раз вставала заслоном между враждующими областями, подвергаясь при этом обстрелам с той и другой стороны. Фактическое участие российских спецназовцев в боевых действиях требовало от командования бригады постоянного поддержания боеспособности, и на анализ душевных переживаний отдельных офицеров у командиров не оставалось ни времени, ни сил. Боеспособность гранатометного взвода лейтенанта Молчанова всегда была на высочайшем уровне. Учебные стрельбы гранатометные расчеты стабильно выполняли только на «отлично», а уж когда наводку осуществлял командир взвода, цель неизменно поражалась с первого выстрела. Для командира бригады и его заместителей этого было вполне достаточно, и в душу Молчанову они не лезли.

В январе 95-го часть бригады спецназа, включая и гранатометный взвод Бориса Молчанова, перебросили на Северный Кавказ, направив ее в Грозный, в самое пекло чеченской войны. По всему Грозному горели подбитые боевиками российские танки и бронемшины, и

гибли под пулями чеченских снайперов бездумно посланные в бой восемнадцати– и девятнадцатилетние мальчишки. И все же, несмотря на отчаянное сопротивление засевших в руинах домов боевиков, спецназовцы справились с поставленной бригаде задачей – выбили противника из города, а затем вместе с остальными частями федеральных сил принялись выдавливать боевиков в горы. Те сопротивлялись с остервенением фанатиков. Горные села и свои тренировочные лагеря боевики превратили в настоящие крепости, возведя вокруг них целую систему фортификационных сооружений, изобилующих дотами и дзотами. На штурм одной из таких высокогорных крепостей однажды и был направлен взвод старшего лейтенанта Молчанова, из которого к тому времени осталось чуть более двух третей личного состава. Бои по освобождению Грозного стоили жизни немалою числу спецназовцев. Однако за все время пребывания в Чечне сам Молчанов не получил даже легкого ранения. «Наверное, сразу убьют», – невесело шутил он сам с собой.

Ранним утром под прикрытием тумана гранатометчики начали подниматься в гору, на вершине которой располагалась цитадель боевиков. Используя естественные укрытия на склоне, Молчанов вывел бойцов на расстояние прямого выстрела. Гранатометчики умело замаскировались, после чего началась кропотливая работа по выявлению огневых точек противника. Когда покрывающий гору туман окончательно рассеялся, Молчанов нашел амбразуры четырех дзотов. В ходе предыдущего боя было выявлено пять укрепленных огневых точек противника. Командиру гранатометного взвода оставалось найти последний пятый дзот, когда между ним и позициями чеченских боевиков внезапно вздыбилась земля и все потонуло в грохоте взрывов. Борис не стал гадать, что произошло: внезапный артобстрел или внеплановый налет тактической авиации. Он понял только одно: если у чеченцев, отрывших в земле укрытия на случай таких налетов, есть шанс уцелеть, то его бойцы, располагающиеся практически на открытом склоне, обречены. Придя к такому выводу, он не стал тратить время на то, чтобы попытаться хоть кого-нибудь из них спасти, а нырнул в ближайшую воронку и вжался в землю. Один из разрывов прогремел совсем близко с воронкой, где укрылся Борис. Старшего лейтенанта присыпало землей, и он потерял сознание.

Борис очнулся в полной темноте и поначалу не мог сообразить, где находится. Но постепенно сознание вернулось к нему, и он вспомнил, как очутился в воронке. В ушах звенело – верный признак контузии, но разрывов не было слышно, и Борис попытался выбраться. Он приподнялся на руках, встал на четвереньки, земля осыпалась с его спины, и Борис увидел бьющий по глазам солнечный свет. Вместе со светом в мир вернулись и звуки. Молчанов услышал человеческую речь, хотя и не смог разобрать слов, а когда глаза привыкли к свету, увидел окруживших его чеченцев с автоматами в руках и зелеными повязками на головах. За спинами чеченцев, на изрытой взрывами земле, лежали искромсанные осколками и обожженные пламенем останки солдат его взвода. Но Борис не ощутил в себе жалости к погибшим. Ее вытеснила злость к тем, кто вольно или невольно уничтожил его взвод. К ним он испытывал даже больше ненависти, чем к окружившим его чеченским боевикам. Один из чеченцев направил в лицо Борису свой автомат и, перейдя на русский язык, спросил:

– Спецназовец?

Голова Бориса раскалывалась от боли, к тому же его нестерпимо тошнило, поэтому он даже не испугался того, что его могут немедленно расстрелять. Но затуманившееся сознание продолжало бороться за жизнь. Борис отрицательно мотнул головой и ответил:

– Нет. Гранатометчик.

Ехидно скалящийся чеченец, стоящий рядом с тем, кто задал вопрос, наклонился к его уху и что-то прошептал на своем языке. Выслушав его, первый боевик опустил свой автомат и, обращаясь к захваченному русскому лейтенанту, приказал:

– Нам нужны гранатометчики. Ты обучишь наших бойцов. – И, очевидно, забыв, что говорит по-русски, крикнул двум своим боевикам: – Заберите его.

Те тут же прыгнули в яму и, ухватив Бориса за руки, вытащили его из воронки. Потом был путь по узкой тропе куда-то в горы. Захваченный в плен русский офицер выглядел так плохо, что чеченцы даже не стали ему связывать руки и ограничились тем, что отобрали у него оружие. В соседнем ущелье чеченцев ждали оседланные лошади. Бориса тоже усадили на лошадь и лишь тогда привязали его руки к луке седла, затем натянули на голову закрывающую глаза черную шапку-чулок, и караван тронулся. Когда с него вновь сняли закрывающую глаза шапку, Борис увидел, что находится в одном из горных учебно-тренировочных лагерей чеченских боевиков. Командующий лагерем полевой командир встретил плененного офицера вполне дружелюбно. Он прекрасно говорил по-русски и охотно рассказал Борису, что гора, на которую взобрались гранатометчики, подверглась массивному обстрелу из установок залпового огня «Смерч». Боевики знали о готовящемся ударе, поэтому заранее покинули свои позиции, а вот штурмующих гору российских солдат о предстоящем артобстреле никто не предупредил. «Смерчи» ударили по своим и всего за несколько секунд уничтожили весь гранатометный взвод. В конце своего рассказа чеченский полевой командир предложил Борису перестать служить командованию, которое предаст своих солдат, и перейти на службу к защитникам свободной Ичкерии. Для большей аргументации своего предложения чеченец пообещал платить Борису хорошие деньги, если тот согласится, и расстрелять его, если откажется. Мысль о собственной, возможно, мучительной смерти в неизвестности показалась Борису глупой и бессмысленной, а против обещанных денег он ничего не имел, поэтому предложение чеченского полевого командира принял сразу и без колебаний.

Глава 14

ВОЕННАЯ БАЗА ФЕДЕРАЛЬНЫХ СИЛ, ХАНКАЛА

8.09, воскресенье, 13-00

Заметив майора Снежина у въездных ворот военной базы, Кудрявцев выпрыгнул из кабины. Контрразведчик чуть ли не бегом бросился ему навстречу и не в силах более сдерживать свое волнение громко крикнул:

– Взяли?!

– Взяли, да не тех, – не скрывая досады, ответил Кудрявцев и, обернувшись к притормозившему водителю, приказал: – Всех раненых везите в санчасть, а убитых... – он взглянул на Снежина.

– Туда же, на месте разберемся, – пришел ему на помощь офицер контрразведки. – Давайте-ка и я проеду с вами.

Он запрыгнул на подножку «Урала» и с помощью Кудрявцева забрался в кабину грузовика.

Через несколько минут все три «Урала» затормозили перед длинным бараком, на дверях которого висел самодельный щит с красным крестом и надписью «Санчасть». «Каскадовцы» принялись выгружать из машин захваченных боевиков, которым требовалась медицинская помощь, и отводить их в санчасть. Тех, кто не мог самостоятельно передвигаться, приходилось нести на руках. Наблюдавший за их работой Снежин поспешил предупредить спецназовцев:

– Вы с ними осторожнее! А то какой-нибудь лежит без чувств, а потом хватить за автомат!

Майор Кудрявцев, услышав предупреждение своего коллеги, лишь усмехнулся. О том, насколько коварен и опасен может оказаться даже раненый противник, бойцы спецназа ГРУ знали как никто другой. И все же, главным образом, чтобы успокоить контрразведчика, он приказал:

– Во всех палатах и перевязочных выставить часовых. При обращении с задержанными проявлять максимальную бдительность.

– Погибших много? – обратился с новым вопросом к Кудрявцеву майор Снежин.

– Двенадцать человек.

– Да, порядочно. Всех сразу и не осмотреть, – рассуждая вслух, произнес контрразведчик. – Вот что, давайте-ка их пока в морг. Тут недалеко. Только сначала я хотел бы на них взглянуть. Не возражаешь?

– Пожалуйста, – Евгений кивнул головой в сторону последней машины.

Снежин подошел к заднему борту последнего «Урала» и, ухватившись за край борта руками, забрался в кузов. Несколько секунд он расхаживал между тел убитых боевиков, потом из кузова машины раздались его восторженные слова:

– Вот это улов! Амир² Бисламов собственной персоной!

Услышав фамилию чеченского полевого командира, Кудрявцев поспешно подошел к машине и, подтянувшись на руках, заглянул в кузов. Взглянув в лицо мертвеца, которого разглядывал Снежин, Евгений сразу узнал боевика, которого сам застрелил возле буковой роши, когда тот попытался бросить гранату. Сообразив, кто стал его жертвой, Евгений недовольно поморщился. Знай он наперед, что перед ним командир отряда боевиков, даже с риском для жизни он бы постарался взять Бисламова живым. Известные полковому командиру сведения наверняка представляли ценность для руководства контртеррористической операции.

² Амир – глава и организатор деятельности в тайных исламских организациях. Применительно к чеченской войне – полковой командир.

– Ладно, не переживай, – заметив недовольную гримасу на лице Кудрявцева, обратился к нему Снежин. – Этот палач и грабитель заслужил свой конец.

– Да я не из-за этого, – ответил ему Евгений, спрыгивая обратно на землю.

Следом за ним из кузова «Урала» выпрыгнул и контрразведчик:

– Итого: двенадцать убитых, пятеро раненых, значит, осталось...

– Еще шестеро, – закончил за него Кудрявцев. – Пойдем, посмотришь. Ребята их уже выгрузили.

Возле первого грузовика, в окружении бойцов «Каскада», со связанными за спиной руками сидели на корточках шестеро пленных чеченцев. По вздувшемуся волдырю на шее одного из них Кудрявцев узнал еще одного своего «крестника». Чеченец тоже узнал подошедшего офицера и, вскочив, бросился к нему. Ближайший из «каскадовцев» хотел пинком отправить боевика на место, но тот упал на колени перед Кудрявцевым и на хорошем русском языке зашептал:

– Господин офицер, я не боевик, не воин! Я повар, простой повар! Меня зовут Ахмед! У меня есть родственники в Шали, меня там все знают. Вы видели, я не хотел в вас стрелять! Вы должны мне верить!

Евгений без слов ухватил пленного за рукав его камуфляжной куртки и рывком развернул его спиной к себе. Затем нагнулся и, захватив ладонью правую кисть чеченца, провел по подушечке его указательного пальца. Под огрубевшей кожей на пальце ясно чувствовалось уплотнение, возникающее при частом нажатии на спусковой крючок. Евгений мстительно усмехнулся и, показав палец боевика заинтересовавшемуся осмотром Снежину, отчетливо произнес по-чеченски:

– Верно, ты не воин, ты бандит с большой дороги! Из какого оружия стреляешь, повар?!

Чеченец, перейдя на родной язык, зашептал проклятия в адрес Кудрявцева. Но Евгений их не расслышал, так как его внимание переключилось на бегущего со стороны штаба прапорщика.

Прапорщик – низкорослый плотный человек с обозначившимся под тесной ему армейской курточкой животом – подбежал к Снежину и, с трудом переводя сбитое от быстрого бега дыхание, произнес:

– Товарищ майор, ЧП... Вас срочно в штаб... вызывают.

Лицо Снежина сразу изменилось: губы плотно сжались, а без того проступающие под кожей скулы, казалось, обозначились еще больше. Не ответив посылному ни одного слова, он бегом бросился в сторону штаба. Кудрявцев обернулся к своим бойцам и, встретившись взглядом с командиром первой штурмовой группы, крикнул ему:

– Оставайтесь на месте, я сейчас вернусь! – после чего устремился за своим товарищем из военной контрразведки.

Не зная никаких подробностей, Евгений уже догадывался, что скрывается за известием прапорщика о случившемся ЧП.

В дверях штаба офицеры едва не столкнулись с командиром части. Полковник, с побагровевшим от волнения лицом, перевел свой хмурый взгляд с Кудрявцева на Снежина и произнес:

– Только что... – не сумев закончить фразу, он потряс в воздухе кулаком. – Только что нам сообщили: в семи километрах южнее Ханкалы расстреляна санитарная автоколонна. Восемнадцать погибших! – выкрикнул полковник в лицо офицерам спецслужб и вновь потряс своим плотно сжатым кулаком. – Сожжено три машины: санитарный грузовик и два БТРа боевого охранения. И это всего в семи километрах от нашей военной базы! Я спрашиваю: что происходит?! – выкрикнул командир части, и его взгляд переместился на лицо Кудрявцева.

– Они ударили в другом месте, – встретившись взглядом с полковником, произнес в ответ майор Кудрявцев.

– Так почему вы этого не предусмотрели?! – взорвался полковник. – Чем вы занимаетесь?! Вы собираетесь что-нибудь делать или позволите этим бандитам и дальше расстреливать наши колонны?!

– Разрешите идти? – вместо ответа неожиданно для командира части вдруг спросил Кудрявцев.

– Куда?! Зачем?! – опешил полковник.

– Чтобы что-нибудь сделать, – последовал ответ.

– Идите, – полковник устало махнул рукой и, развернувшись, вернулся в штаб.

От здания штаба Кудрявцев на негнущихся ногах направился к санчасти. При этом у него было такое лицо, что даже Юрий Снежин, взглянув на него сбоку, испуганно спросил:

– Женя, что с тобой?

– Со мной все в порядке, – ледяным голосом ответил Евгений, ускоряя шаг.

Перед санчастью ничего не изменилось. Шестеро боевиков, которым не требовалась медицинская помощь, все также сидели на корточках в окружении «каскадовцев» из первой штурмовой группы. Не дойдя нескольких метров, Кудрявцев остановился перед боевиками и громовым голосом спросил:

– Санитарная автоколонна – ваших рук дело?!

Ему никто не ответил. Тогда Евгений обвел взглядом сидящих на земле боевиков и, задержав взгляд на назвавшемся поваром Ахмеде, решительно шагнул к нему.

– Эй, начальник, ты что?! – завопил Ахмед, когда Кудрявцев за шиворот выволок его из круга.

– Иди, сволочь, – подгонял его Кудрявцев, толкая перед собой. – Любишь раненых расстреливать. Сейчас узнаешь, каково подышать раненым. Посмотрим, понравится ли тебе это.

Оттащив упирающегося Ахмеда за угол санитарного барака, Евгений швырнул его на землю и сорвал с плеча автомат.

– погоди! Так нельзя! – завопил до смерти перепуганный боевик.

Но Кудрявцев, не слушая его, демонстративно передернул затвор. Крик оттащенного за угол боевика услышали и остальные пленные и все бойцы «Каскада». Но лишь один майор Снежин бросился вслед за Кудрявцевым.

– Отставить! – пронзительно закричал он, увидев, что происходит за углом санчасти.

Но Кудрявцев уже поднял свой автомат, нацелив его в грудь валяющемуся на земле боевику. Снежин рванулся к нему, схватился за цевье и попытался вырвать автомат из рук офицера ГРУ. Евгений позволил контрразведчику слегка приподнять ствол и нажал на спусковой крючок. По боевику хлестнула короткая очередь, и сразу несколько пуль вонзились в землю возле его головы. Ахмед в ужасе зажмурил глаза и даже не закричал, а как-то по-собачьи заскулил. Глядя на его помертвевшее от страха лицо, Евгений ослабил хватку и позволил контрразведчику вырвать автомат у себя из рук. Но как только его руки освободились, Кудрявцев выхватил из кобуры свой «Вектор» и, нагнувшись над боевиком, прижал ствол пистолета к его горлу.

– Ты расстрелял санитарную автоколонну?! – рявкнул он в лицо боевику.

– Не-ет! – завизжал чеченец.

– Тогда кто? – Евгений наклонил руку так, чтобы боевик увидел затылочную часть пистолета, и большим пальцем взвел курок.

И пленный боевик не выдержал. – Русские! Наемники! – истошно закричал он. – Они еще утром ушли из лагеря с оружием вместе с курьерами.

Зная по опыту, что «поплывшего» «языка» нужно беспрерывно заставлять говорить, Кудрявцев быстро спросил:

– Что за наемники? Сколько их?

– Четверо. Я их не знаю. Старший все время ходит в черной маске, никогда ее не снимает. А остальные трое русские или нет, но похожи...

– Как их зовут?

– Старшего Блэк, еще одного Слон, третьего, кажется, Колчан, четвертого не знаю...

– Как они выглядят? – Евгений спешил задать следующий вопрос, не дожидаясь окончания фразы, чтобы не дать возможности «языку» собраться с мыслями. Только в таком случае можно было рассчитывать на получение достоверной информации.

– Старший маленький, но верткий и сильный, а все остальные здоровые...

– Как ты? – Евгений определил на глаз, что рост Ахмеда был никак не ниже ста девяноста сантиметров.

– Слон еще здоровее и выше...

– А курьеры как выглядят?

– Один высокий, с меня. Все время молчит. Второй нормальный. Наоборот, все время разговаривает и улыбается...

– Их имена?

– Старший Мухаммед, а его охранник... Не знаю, – боевик отрицательно мотнул головой.

– Кто они, арабы?

– Нет, афганцы.

Евгения удивило, почему боевик считает курьеров афганцами – вряд ли те сообщили свою национальность, – но уточнять не стал. Вместо этого он развернул свой планшет и, сунув под нос боевику топографическую карту, задал новый вопрос:

– Где находится ваш лагерь? Ну! – стволом пистолета он надавил на гортань боевику.

– К югу от Шали, – прошептал тот и, вытянув шею, ткнул носом в карту.

– Сколько человек осталось в лагере?

– Семеро вместе с Умаром.

Кудрявцев распрямился, оторвав пистолет от горла боевика, и, глядя на него сверху вниз, произнес:

– Если хоть в чем-то обманул, вернись и расстреляю вот этой самой рукой, – он продемонстрировал Ахмеду кулак с зажатым в нем пистолетом.

Глава 15

«ЗЕЛЕНКА», 20 КМ ЮЖНЕЕ ШАЛИ

8.09, воскресенье, 15-24

Под брюхом вертолета проносились, сменяя друг друга, буковые, кленовые и дубовые рощи, труднопроходимые заросли кизила и карагача, густо покрывающие склоны холмов и предгорий Северного Кавказа. Прижавшись лбом к холодному стеклу иллюминатора, майор Кудрявцев глядел вниз и пытался вспомнить, в который раз ему уже приходится лететь над «зеленкой» на поиски укрывшихся под ее пологом боевиков. Так и не вспомнив даже примерное число вылетов, Кудрявцев повернулся к своим бойцам, тесно набившимся в десантное отделение «Ми-8». Взгляды всех без исключения «каскадовцев» мгновенно сошлись на командире. Даже те, кто еще секунду назад отдышал, прикрыв глаза, как по команде, взглянули в лицо Кудрявцева.

– Высадка через пять минут, – объявил командир десантно-штурмового отряда. – В лагере может находиться от семи до тринадцати боевиков, как минимум четверо из которых прошли специальную диверсионную подготовку. Однако мы не имеем права упустить хотя бы одного из них. Поэтому мы должны скрытно подобраться к лагерю, окружить и надежно блокировать его, а затем атаковать. Штурм по моему сигналу. – Кудрявцев сделал паузу и добавил: – Если до шестнадцати ноль-ноль сигнала от меня не поступит, командование принимает на себя командир первой штурмовой группы. – Названный офицер понимающе кивнул, и Кудрявцев продолжал: – Сверим часы. Сейчас пятнадцать двадцать семь.

Все «каскадовцы» взглянули на свои наручные часы. И в этот момент, словно подтверждая слова их командира о скорой высадке, над дверью в кабину пилотов зажегся зеленый фонарь. Один из пилотов, очевидно, не доверяя световому сигналу, выглянул из кабины и, стараясь перекричать шум двигателей, объявил:

– Садимся! Все готовы?!

В ответ Кудрявцев утвердительно поднял руку. Пилот кивнул и скрылся обратно в кабине. В ту же секунду вертолет провалился вниз. Взглянув в иллюминатор, Евгений увидел, как машина стремительно опускается прямо на верхушки деревьев. Но когда до верхних ветвей осталось буквально несколько метров, среди стоящих плотной стеной деревьев открылся просвет. И вертолет нырнул в открывшийся зеленый колодец. Кудрявцев ощутил, как под его ногами качнулся пол десантного отсека, а затем мощный толчок вдавил его тело в скамью. Евгений сообразил, что колеса вертолета коснулись земли, и, вскочив со скамьи, скомандовал:

– К машине!

Двое ближайших к выходу бойцов распахнули дверь десантного отделения и первыми выпрыгнули из вертолета. Следом за ними устремились остальные «каскадовцы», и уже через несколько секунд весь отряд оказался на земле. Последним выпрыгнув из вертолета, Кудрявцев увидел, что находится на круглой поляне, окруженной со всех сторон раскидистыми деревьями. Его бойцы быстро уходили на север, и многие уже скрылись за деревьями. Все знали стоящую перед отрядом задачу и не нуждались в дополнительных указаниях. По большому счету, «каскадовцы» не нуждались и в том последнем инструктаже, который провел с ними командир непосредственно перед посадкой. И все же Кудрявцев решил, что нелишне будет еще раз напомнить подчиненным о важности задачи и донести, что успех операции зависит от слаженных действий всего отряда и умения каждого бойца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.